

Обезкрыленный соколъ

(Къ 35-ти лѣтію работы Максима Горькаго).

Сквозь желѣзныя рѣшетки
Съ неба въ окна смотреть звѣзды...
Ахъ! въ Россіи даже звѣзды
Смотрять съ неба сквозь рѣшетки...

Мак. Горькій «Тюрьма», 1905 годъ.

«Въ утѣщеніе народопоклонникамъ, могу сказать, что русскій человѣкъ и въ жестокости исключительно талантливъ».

М. Горькій. «Правда», 11 мая 1928 г.

I.

Это было въ началѣ 1919 г. въ Москвѣ. Военный коммунизмъ былъ въ апогеѣ своего развитія. Сумрачная, придавленная событіями Москва доѣла всѣ запасы прежнихъ временъ и — жутко голодала. Всѣ и всякія попытки проявленія частной инициативы были лишь жалкими судорогами въ сравненіи съ мертвящимъ вліяніемъ страшнаго опыта коммунизации страны. Мы, члены маленькой общественной организаціи «Лиги Спасенія Дѣтей», — дѣтища покойнаго В. Г. Короленко, — тоже пытались шевелиться, что-то дѣлать — ради спасенія погибающихъ дѣтей: невыносимо было видѣть въ нашемъ пріемникѣ это изсохшее дѣтское тѣльце, эти странныя, несмѣющіяся дѣтскія уста, — этихъ маленькихъ страдальцевъ — въ общей бѣдѣ. И отлично сознавали, что спасаемъ единицы при неминуемой гибели — миллионы.

Въ это-же время Россію крѣпко и цѣпко сжимало кольцо блокады. И намъ, внутри Россіи, все время казалось, что сумасшествіе правящихъ будетъ тѣмъ упорнѣе, чѣмъ

дольше страна будетъ отрѣзана отъ міра, изолирована, лишена вліяній и воздѣйствій со стороны. Мы были, поэтому, рѣшительными противниками этого метода борьбы съ коммунизмомъ и — жаждали скорѣйшаго соединенія съ міромъ.

Въ одинъ изъ такихъ тягостныхъ дней ко мнѣ явился иностранецъ, шведъ, съ вопросомъ, не пожелаетъ-ли Лига Спасенія Дѣтей присоединиться къ организаци, — интернаціональной, — Красныхъ Крестовъ. Въ разговорѣ я стала развивать ему идею о необходимости борьбы заграничныхъ красно-крестныхъ организаций противъ блокады Россіи. Онъ сказалъ:

— Да, идея правильная. Но инициатива должна исходить отсюда, — отъ блокируемыхъ. Надо, чтобы вліятельные здѣсь люди — не-большевики — подняли свой голосъ противъ блокады... Ихъ услышать...

— Къ сожалѣнію, замѣтила я, всѣ общественныя организаци разбиты, уничтожены... Мы сами не знаемъ теперь своихъ вліятельныхъ людей...

— Писатели... Писатели... Они остаются всегда вліятельными для Европы. Это — цвѣтъ націи, это — справедливость! съ паѳосомъ воскликнулъ онъ. Кто остался здѣсь изъ писателей? Толстого нѣтъ. Это для васъ большое несчастье...

— Горькій...

— Горькій? О! Горькій умеръ для Европы. Не прикасайтесь къ Горькому: всякій, имѣющій съ нимъ дѣло, будетъ также мертвъ въ глазахъ Европы...

— Чѣмъ-же онъ заслужилъ эту немилость Европы?

— Горькій — опаснѣйшій большевикъ... Онъ пользуется своимъ именемъ, чтобы насаждать разрушительныя идеи. Нѣтъ, Европа вычеркнула его изъ списка русскихъ писателей... Онъ много опаснѣе Ленина. Ленинъ пройдетъ, Горькій останется и будетъ своимъ талантомъ растлѣвать души людей...

Я внимательно слушала этого иностранца. Его личное мнѣніе было мало интересно: но странной случайности почти всѣ иностранцы, посѣщавшіе тогда подлѣ разными наименованіями Россію, были удивительно похожи на коммивояжеровъ... Они все обнюхивали, всѣмъ интересовались, скупали цѣнности за безцѣномъ и обдѣлывали какія-то свои дѣла. Но коммивояжеры повторяютъ чужія слова, мнѣніе печати, — все то, что они слышатъ въ

Европѣ. И потому его сужденія, несомнѣнно, что-то реальное отражали. Итакъ, Горькій умеръ для Европы... Онъ — опаснѣйшій большевикъ...

Несмотря на грусть тогдашнихъ дней, — мнѣ стало смѣшно. Вспоминалось лицо шведа и его убѣжденный приговоръ «всякому, кто прикоснется къ Горькому». Это было какъ разъ такое время, когда къ Горькому очень прикасались даже и тѣ, которые теперь его поносятъ. Для Европы онъ умеръ, а внутри былъ очень вліятеленъ: желанный другъ Кремля. И другъ старый: не припомню времени, когда бы Горькій не былъ анархо-большевикомъ. Впрочемъ, на моментъ, — на краткую историческую минуту послѣ Октября, — онъ испугался. Герои его произведеній ожили — политически — въ Октябрѣ, и ликъ ихъ — въ соборности ихъ дѣйствій — испугалъ его. Въ этотъ моментъ испуга онъ не смогъ-бы написать свое знаменитое изрѣченіе: «Я увѣренъ, что терроръ стоитъ Ленину невыносимыхъ страданій. Невѣроятно и недопустимо, чтобы люди, осужденные исторіей убивать однихъ для свободы другихъ, не чувствовали мукъ, изнуряющихъ душу! Эти люди — мученики и совѣсть моя никогда не позволитъ мнѣ осуждать ихъ!» Тогда его испугавшаяся совѣсть рѣзко осудила приемы и методы Октября; тогда Горькій шелъ въ согласіи со всей негодующей интеллигенціей и увѣковѣчилъ въ «Несвоевременныхъ мысляхъ», въ своей газетѣ «Новая Жизнь», свой приговоръ: «Въ «Правдѣ», писалъ онъ, различные звѣрушки науськиваютъ пролетаріатъ на интеллигенцію. Это называется «классовой борьбой». Несмотря на то, что интеллигенція превосходно пролетаризирована и готова умирать голодной смертью, моральное чувство не можетъ позволить ей работать съ правительствомъ, которое печатаетъ въ своихъ «Дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ» угрозу «Особаго совѣщанія красныхъ моряковъ» убить сотню тысячъ буржуевъ за одного своего товарища и тому подобныя гадости». Эти «гадости» возмутили Горькаго, когда онъ писалъ, — когда къ совершенію ихъ люди еще только призывались. А потомъ настало время, когда отъ призывовъ перешли къ дѣлу...

Но къ этому времени возмущеніе Горькаго дѣйствіями «звѣрушекъ» уже остыло. И случилось тяжкое несчастье

для русской культуры: большой русский писатель санкционировал убийства, считая их законными, хотя и изнуряющими душу убийцъ. Произошло это въ XIX вѣкѣ, на востокѣ Европы, въ странѣ, давшей міру величайшія произведенія искусства и науки. Это было поводомъ къ разрыву между Горькимъ и почти всей русской интеллигенціей. Причины разрыва были много глубже, — назрѣвали онѣ очень давно. Революція ихъ лишь вскрыла, освѣживъ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе яркимъ, не отраженнымъ свѣтомъ и общественную фигуру писателя.

Когда въ 1922 г. я пріѣхала въ Европу, меня, конечно, прежде всего глубоко интересовало отношеніе европейцевъ къ русскимъ событіямъ. Вспоминались слова шведа о «смерти Горькаго» и объ опасности его и другимъ коммунистической пропаганды. Въ то время всюду въ Европѣ еще сильно чувствовалось вліяніе разрушеній, произведенныхъ войной; стабилизациі новыхъ послѣ-военныхъ отношеній еще не наблюдалось. И тѣмъ не менѣе я съ удивленіемъ увидѣла, что русскаго коммунизма не боятся... Нисколько не боятся и «разрушительныхъ идей» Горькаго. Въ это время онъ былъ уже въ Европѣ, свободно получалъ визы и получилъ даже право постоянного мѣстопробыванія въ фашистской Италіи. Азартные въ борьбѣ и весьма немилостивые къ своимъ собственнымъ коммунистамъ, фашисты спокойно переносили пребываніе въ Сорренто русскаго большевика, пріѣзды къ нему разныхъ делегаций изъ Россіи и — вовсе ничего не боялись... Правда, была большая разница между его тихимъ сидѣньемъ въ Сорренто и бурной работой на Капри въ періодъ самодержавія: у фашистовъ свободно пропаганды не поведешь. Но страха передъ «опаснымъ» писателемъ не было. И тогда, въ 1922 - 24 г. г. уже чувствовалось омертвѣніе русской революціи, угасаніе ея страшнаго пламени: кульминаціонной точки своего горѣнія она достигла въ побѣдѣ въ 1920 г. надъ Врангелемъ, а затѣмъ — стала угасать. Европейскій барометръ весьма чутко отмѣчалъ это измѣненіе русской погоды и — дѣлая свои заключенія, Горькій былъ уже тогда совершенно безопасенъ для европейской психологіи всѣхъ рѣшительно оттѣнковъ.

Иное отношеніе — естественно! — было къ нему въ эмиграціи. Одна часть эмиграціи съ горечью относилась къ потерѣ духовнаго контакта съ любимымъ когда-то пи-

сателемъ, другая занялась — до забвенія элементарныхъ приличій — его оплеваніемъ. Жгучая ненависть загорѣлась къ «Иудѣ», «Смердякову русской революціи», къ имѣннику культурѣ и — даже какъ къ писателю, «продавшему свое перо большевикамъ за блага жизни, за почетъ въ станѣ побѣдителей...» Русскій человекъ и вѣнчаетъ и развѣнчиваетъ — всегда черезъ край.

Въ самой Россіи недовольство тамошней интеллигенціи не могло, конечно, вылиться такъ свободно. Но и тамъ, въ сдержанныхъ выраженіяхъ, К. Чуковский это отношеніе чужести между писателемъ и культурными слоями общества весьма недвусмысленно подчеркнул въ своей, имѣвшей большой успѣхъ, брошюрѣ — «Двѣ души М. Горькаго». Въ этой книгѣ Чуковский говоритъ, что Горькій органически не можетъ ни понять, ни описать интеллигента, — онъ ему чуждъ по всему укладу души. «Замѣчательно, пишетъ онъ, что Горькій, такой ярый поклонникъ Европы, проповѣдникъ западной культуры, не умѣетъ написать ни строки изъ быта образованныхъ, культурныхъ людей! Единственный доступный ему міръ — мелкое мѣщанство, голытьба. Чуть только дѣло коснется Европы, европеизованныхъ нравовъ, европеизованной интеллигентской среды, Горькій, какъ художникъ, становится блѣденъ и немощенъ... Его рассказы и пьесы изъ жизни русскихъ интеллигентовъ («Инженеры», «Дачники», «Лѣти солнца») — недостойны автора».

Это — вѣрно.

И, однако, въ прошломъ Горькій былъ своимъ въ писательской средѣ. И любимецъ русской интеллигенціи...

Къ 60-ти лѣтію его и 35-ти лѣтію его литературной дѣятельности въ Москвѣ открытъ музей его имени. Выставлены книги, которыя онъ читалъ въ молодости, въ періодъ своего самообразования (среди нихъ — Рокамболь, Понсонъ-дю-Террайль въ русскомъ переводѣ), рукописи, письма, полицейскія донесенія о немъ и т. д. И множество фотографій. Кажется, никого такъ часто не снимали, какъ Горькаго. Среди этихъ безчисленныхъ фотографій — снимки, одіозныя для теперешняго момента: двойныя фотографіи — Горькій съ Бунинымъ, Горькій съ Львомъ Толстымъ, съ Леонидомъ Андреевымъ, съ Рѣпинымъ, Чеховымъ, Стасовымъ, и т. д. Горькій — членъ семьи писательской, многими корифеями литературы — любимый.. А вотъ незаконченный портретъ Горькаго, нарисованный

масляными красками Валентиномъ Сѣровымъ, когда писатель былъ въ самомъ разгарѣ своей славы. Ему было тогда 36 лѣтъ.

Да, все это было и было такъ недавно! И этого периода нельзя ни забыть, ни зачеркнуть. Этого мало: правъ шведъ. -- пройдетъ Ленинъ, разсосется революція, а Горькій останется... Художественныя произведенія — орудія могучей силы и живучести. Они переживаютъ авторовъ, умершихъ не только смертью физической, но и духовно ушедшихъ въ иной міръ. Умирая для однихъ, они оживаютъ, облакаются плотью для другихъ, снизу поднимающихся новыхъ читателей и новыхъ почитателей старого таланта. Да, вѣдь, и Европа, равнодушная къ живому Горькому, не перестала интересоваться его произведеніями: переводы ихъ появляются едва-ли не въ большемъ количествѣ, чѣмъ раньше.

И настойчиво — для насъ русскихъ — встаетъ вопросъ: какъ могло случиться, что любимый и чтимый писатель сталъ для русскаго образованнаго общества столь отвратенъ? Измѣнился-ли такъ рѣзко онъ самъ или-же кореннымъ образомъ измѣнилась сама среда подъ вліяніемъ катастрофическихъ событій?

Горькій никогда не былъ только художникомъ. Онъ всегда активно вмѣшивался въ общественную жизнь, имѣлъ о ней сужденіе и совершалъ поступки, какъ политическій дѣятель. Да и всѣ его произведенія проникнуты проповѣдничествомъ, учительствомъ о жизни. Въ этомъ учительствѣ, въ комплексѣ его идей, несомнѣнно, отразился духъ русской предреволюціонной эпохи. Въ немъ можно также найти объясненіе многимъ явленіямъ, развернувшимся затѣмъ въ великомъ русскомъ бунтѣ, — революціи. И одна изъ самыхъ главныхъ темъ его произведений и его учительства — народъ и интеллигенція.

Какъ же она развертывается въ его произведеніяхъ и въ его дѣятельности?

II.

Сама по себѣ жизнь — прекрасна. Жить каждой кѣлкой своего существа, сливаться съ природой, дышать свободно, любить женщину и трепетать въ восторгѣ передъ таинственной гармоніей законовъ природы... Пусть ночь темная, почти черная спускается все ниже и ниже на зем-

лю, — лишь бы въ грудь лился свѣжій, сочный воздухъ. Или весной на Волгѣ плыть на баржѣ, когда кругомъ возрождается жизнь, наполняется сокомъ каждый ростокъ, — тѣлу — холодно, а въ душѣ — тихая радость и тоже возникаютъ неясные ростки надеждъ. Очень уютно весной на землѣ... Или закатъ солнца, прекрасный, полный яркихъ красокъ, закатъ — не навсегда: божественный источникъ свѣта, творящаго жизнь, снова разбудить сонную землю радостнымъ блескомъ лучей восхода...

Да, уютна, красива, сочна и творяще-прекрасна жизнь на землѣ. И каждый разъ когда остается человекъ одинъ на одинъ съ этимъ божественнымъ даромъ — природой, — такъ безмятежно счастливъ онъ, — частица ея тѣла... «У меня душа таетъ, когда я смотрю, какъ солнышко заходить», говоритъ Василій Мальвъ *). Наслаждаясь природой, гордый горьковский человекъ не можетъ умомъ своимъ проникнуть въ ея тайны. О великихъ тайнахъ творчества природы, непостижимыхъ и непонятныхъ человеческому уму, говорить и таинственная тишина лѣса, темнаго и неподвижнаго, — гдѣ каждое дерево точно чутко прислуживается къ чему-то, — и всплескъ волнъ бурнаго моря, и голубоватая мгла, поднимающаяся отъ степи къ небу... Ощущеніе безконечнаго счастья, покоя и уюта даетъ человеку природа, но только до тѣхъ поръ, пока не видитъ онъ с в о е й, человекъей жизни, пока не задумывается о ней, — о той жизни людской, которую создалъ онъ самъ. Тогда все мѣняется... Счастье — лишь съ тѣми, кто лишень «понятія», кто въ естествѣ своемъ подобенъ птицѣ, кто беретъ жизнь, бездумно, просто, безъ витіеватыхъ размышлений о ея смыслѣ, о ея цѣли — для человека, для человечества...

Но такихъ бездушныхъ птицъ среди горьковскихъ персонажей мало. Напротивъ. Самъ Горькій — ярый проповѣдникъ. Даже тѣ, кто хотѣлъ бы брать отъ его произведений лишь его искусство, какъ художника, — и тѣ не могутъ уйти отъ его проповѣдей. Всѣ его герои — въ припадкахъ задумчивости о жизни: проститутки, босяки, крестьяне, рабочіе, кушцы и интеллигенты. На всѣхъ «накатываетъ» грусть и печаль о жизни, — для чего? Для че-

*) Въ изложеніи воззрѣній Горькаго я предпочитаю передавать его мысли его-же словами: художественный языкъ его такъ жаль обѣднать переложеніемъ. Читатель извинитъ, поэтому, обиліе цитатъ.

го вся эта пестрая — какъ ярмарка въ Голтвъ — канитель? Природа — прекрасна... А вотъ люди, — человѣкъ въ ней... «Ты вотъ ничего не понимаешь, говоритъ Василій Мальвъ. А я иной разъ задумаюсь про жизнь — даже страшно станеть!»!

Въ біографическомъ произведеніи «Мои Университеты» это же настроеніе охватываетъ и самого автора: «Безмолвіе внушительно сжимаетъ сердце, а мысль растекается въ безграничїи пространства, и я вижу тысячи деревень, такъ-же молча прижавшихся къ плоской землѣ; какъ притиснуто къ ней наше село. Неподвижность, тишина. Мглистая пустота, тепло обнявъ меня, присасывается тысячами невидимыхъ пѣвокъ къ душѣ моей, и, постепенно, я чувствую сонную слабость, смутная тревога волнуетъ меня. Мальъ и ничтоженъ я на землѣ».

Сонная слабость и смутная тревога — частые мотивы въ душевныхъ переживанїяхъ его героевъ. Поэтому, вѣдь, и блажить даже «непонимающая» Мальва:

— Мнѣ всегда хочется чего-то... А чего — не знаю. Иной разъ съла бы въ лодку — и въ море! Далеко-о! И чтобы никогда больше людей не видать... То жалко мнѣ всѣхъ, а пуце всего — самое себя, то избѣла-бы весь народъ... И тоскливо мнѣ, и весело бываетъ... А люди всѣ какіе-то дубовые...

— Народъ гнилой, вторить ей Сережка.

«Мальва» написана Горькимъ давно, въ первые годы его творчества (1897 г.). Безчисленное множество произведеній написалъ онъ съ тѣхъ поръ. И почти въ каждомъ изъ нихъ можно встрѣтить эти-же самыя мысли. То «жалко всѣхъ», — то избѣль бы, изничтожилъ-бы весь народъ, — скверно живутъ люди, подло и скверно живетъ этотъ «гнилой» русскій народъ... Пантеистъ Горькій, славословящій божественное творчество природы, становится ненавистникомъ подлой человѣческой жизни и безъ жалости разрушилъ бы все, что сотворили люди на русской землѣ. Это они загадили тлѣннымъ духомъ своимъ любовную связь съ природой...

Тщетно стали-бы мы искать въ творенїяхъ Горькаго положительный типъ, — героевъ-строителей, каменьщиковъ, ловко и красиво строящихъ человѣческой домъ. Всюду — зло, драки, всюду человѣческая хитрость, двуличіе, неправда. Праведному трудно жить на землѣ. Вотъ праведный рыбакъ Изоть. Праведность его не слож-

на: онъ добрый, любить бабъ, любить до самозабвенія природу, — не обидитъ никого... Но развѣ можно такому праведнику жить на этой пронизанной злобой землѣ? И — конечно: «въ срединѣ юля пропаль Изотъ»... А затѣмъ нашли длинное тѣло его съ разбитымъ, пустымъ черепомъ, — вода вымыла мозгъ изъ него... За что же злые люди убили Изота? Объясненіе даетъ Ромась, — пропагандистъ, лицо — невымышленное: «Жалко этотъ народъ, — лучшихъ своихъ убиваетъ онъ! Можно думать — боится ихъ». Ромась рассказываетъ, какъ каторжане убили своего товарища, уговаривавшаго ихъ бросить воровство: «Что-же вы убили его — спрашиваетъ Ромась — боялись: выдастъ?» Даже обидѣлся каторжанинъ: «нѣтъ, говорить, онъ бы ни за какіе деньги не выдалъ, ни за что! А такъ, какъ-то не ладно стало дружить съ нимъ, всѣ мы — грѣшны, а онъ, будто, праведникъ, не хорошо!»

Ромась не останавливается на этомъ только случаѣ:

— Много разъ натыкался я на эту боязнь праведника, на изгнаніе изъ жизни хорошаго человека. Два отношенія къ такимъ людямъ: либо ихъ всячески уничтожаютъ, сначала затравивъ хорошенько, или — какъ собаки — смотрятъ имъ в ъглаза, ползаютъ передъ ними на брюхѣ. Это — рѣже! А учиться жить у нихъ, подражать имъ — не могутъ, не умѣютъ. Можетъ быть, — не хотятъ. Могутъ и не хотѣть! Подумайте, люди съ великимъ трудомъ наладили для себя какую-то жизнь, привыкли къ ней, а кто-то одинъ — бунтуетъ: не такъ живете! Не такъ? Да мы же лучшія силы вложили въ эту жизнь, дьяволъ тебя возьми! И — баць его, учителя, праведника. Не мѣшай!»

Не любить праведниковъ русский народъ...

III.

Но что-же это за народъ, — лѣнивый къ измѣненіямъ налаженной жизни? Горькій все время слышитъ отъ народолюбцевъ-интеллигентовъ: народъ — вотъ спасеніе... Народъ — все рѣшить. Только снять съ него цѣпи... Широкими, сочными мазками рисуетъ Горькій душу этого народа, — его низы... Среди нихъ онъ живетъ, — фотографически воспроизводитъ онъ знакомую ему среду. Жуткая, страшная жизнь... Не то по природѣ своей звѣриной,

тескомъ культуры неотесанной, не то по навыкамъ, отъ отцовъ взятымъ, — но золь и гадокъ этотъ народъ. Вотъ дьяконъ Тарасъ (въ «Бывшихъ людяхъ») привыкъ дьяконницу свою бить по воскресеньямъ послѣ обѣдни. «Такъ знаете, когда она умерла, такая тоска на меня по воскресеньямъ нападала, что даже невѣроятно. Одно воскресенье прожилъ, вижу — плохо. Другое — стерпѣлъ. Третье — кухарку ударилъ разъ... На четвертое вздулъ ее какъ жену. Потомъ заплатилъ ей десять цѣлковыхъ и ужъ билъ по заведенному порядку, пока опять не женился»...

Вотъ Бариновъ («Мои Университеты») убѣждаетъ Горькаго: «Милый, ты взгляни просто: злой человекъ — правда, а добрый — гдѣ? Добро-то еще не выдумали, да-а!» И всюду видитъ злыхъ людей авторъ... Вотъ начальникъ станціи Африканъ Петровскій, — воръ, а по ночамъ устраиваетъ у себя оргіи, «Монашью жизнь». Онъ жестокъ, бьетъ по ушамъ и по зубамъ станціонныхъ сторожей. Говорятъ до смерти забилъ свою жену.

А въ оргіяхъ его пьянѣютъ отъ звѣриной страсти мужчины и женщины. «Всѣ эти люди — талантливы, каждый по своему, жутко талантливы; они опьяняютъ другъ друга изступленной любовью къ пѣснѣ, пляскѣ, къ тѣлу женщины, къ побѣдоносной красотѣ движенія и звука; все что они дѣлаютъ, похоже на богослуженіе дикарей».

Вотъ опять учитель городского училища; онъ поролъ по субботамъ свою жену — въ банѣ. Иногда она вырвалась отъ него, и, нагая, толстая, бѣгала по саду, онъ же гонялся за ней съ прутьями въ рукахъ. А сосѣди приглашали знакомыхъ смотрѣть на этотъ спектакль въ щели забора.

Вотъ желѣзно-дорожный конторщикъ убѣждаетъ Горькаго въ томъ, что всѣ евреи — не только мошенники, но еще и двуполые. А когда Горькій сталъ противорѣчить ему, онъ въ сопровожденіи жены и ея брата подошелъ къ койкѣ, чтобы освидѣтельствовать, не еврей-ли самъ Горькій? «Чтобы отвязаться отъ нихъ, нужно было вывихнуть ему руку и разбить лицо его брату»...

Можно было бы безъ конца продолжать описаніе этой звѣриной жизни. Кукушкинъ («Мои Университеты») даже не удивляется тому, что его избивали. За что? «Да развѣ можно понять, за что бьютъ? Народъ у насъ вродѣ козла

— чуть что, сейчас и бодается. Должностью своей считает это драку». Это не мѣшает, конечно, козламъ-драчунамъ искать смыслъ жизни и — не находить его. Вотъ Рубцовъ, — такой искатель. Умный. Ищетъ жизни «для души». Но приходитъ въ восторгъ, когда матросы осаждаютъ публичный домъ, а фабричные Алафузовскіе рабочіе защищаютъ его. «Каждый праздникъ здѣсь драка!» одобрительно говоритъ умный Рубцовъ. Зачѣмъ дрались? Да ни зачѣмъ: «Дрались беззлобно, весело, ради удачества, отъ избытка силъ»... А искатель Рубцовъ такъ и не нашелъ ничего «для души», кромѣ этой вселой, беззлобной драки: «Ѣздить, Ѣздить, говорить онь, нигдѣ ничего для души... Ну, и жизнь, сволочь! Жить, жить, а ничего не пажить, ни душѣ, ни тѣлу»...

Въ концѣ концовъ: «Скушно, человѣкъ!»... Отъ скуки — дерутся, отъ скуки — красивая проститутка Лёска теряетъ стыдъ, отъ скуки («На станціи») доведутъ человѣка до крюка, — до самоубійства, — отъ скуки и мѣни вся жизнь — «сволочь», — хотя и задумываются люди надъ сокровеннымъ смысломъ ея... Скушно, человѣкъ! Скушно и грязно кругомъ...

IV.

Такъ въ низахъ, — въ ночлежкахъ, на фабрикахъ, въ селѣ у мужиковъ, на станціяхъ, затерянныхъ въ безбрежности русскихъ равнинъ. Можетъ быть, лучше тамъ, наверху, гдѣ люди вдохнули глотокъ культуры, гдѣ все же легче творить, а недохнуть безцѣльно отъ скуки и грязи среди «козловъ». Но нигдѣ горьковщина, — комплексъ социальнo-политическихъ и эпическихъ идей, — которыми оперируетъ художникъ, не выражена столь ярко, какъ въ «Фомѣ Гордѣевѣ». Самъ Горькій недоволенъ этимъ своимъ дѣтищемъ. Между тѣмъ идеи, тамъ обозначившіяся, неизмѣнно повторяются затѣмъ въ массѣ другихъ его произведеній. И герои его нигдѣ такъ много не разсуждаютъ о смыслѣ жизни, о чести и совѣсти, объ интеллигенціи и ея ликѣ, — какъ въ этомъ повѣствованіи о коренномъ русскомъ купечествѣ. Горькій беретъ періодъ, когда на Волгѣ «со сказочной быстротой создавались миллионныя состоянія», — въ 60-70-хъ годахъ прошлаго столѣтія! Нѣтъ надобности излагать эту повѣсть, посвященную А. П. Чехову. Но каковъ ея смыслъ? Что это за со-

слово — русское купечество? Въ немъ есть ловкіе дѣльцы, — крестный Фомы Маякинъ, есть загадочныя натуры, — мать Фомы, «молоканка», есть согрѣшившіе и остепенившіеся политическіе преступники — изъ купечества, — Тарась Маякинъ, есть купеческія дочки, наглотавшіяся интеллигентскихъ книжекъ и никакъ не пришившія ихъ къ своей тусклой, жирной жизни, — Любовь Маякина. Много и другихъ персонажей захвачено въ орбиту наблюдений. И самъ загадочный Фома... Горькій не можетъ скрыть своихъ къ нему симпатій. И загадочность Фомы — чисто Горьковская. Онъ ненавидитъ скучную, лукавую, пронизанную пьянствомъ, дебошемъ, наживой и преступленіемъ купеческую жизнь. То и дѣло вырастаетъ въ его душѣ желаніе крикнуть людямъ:

— Какъ живете? Не стыдно-ли?

Но если они, услыхавъ его голосъ, спросятъ:

— А какъ надо жить?

«Онъ, Фома, прекрасно понималъ, что послѣ такого вопроса ему пришлось бы слетѣть съ высоты кувыркомъ»... Фома знаетъ, что такъ жить стыдно. Но какъ жить, — онъ не знаетъ, какъ не знаетъ ни одинъ Горьковскій герой...

Но если проститутка, босякъ, ночлежникъ, забитый непосильнымъ трудомъ пекарь или фабричный человѣкъ, не въ силахъ отвѣтить на вопросъ, — чѣмъ же надо жить, — то, вѣдь, купецъ, какъ никакъ, что то творитъ въ жизни и не одной-же наживой живетъ. Кому нужно его творчество? Старикъ Маякинъ на торжествѣ спуска новаго парохода объясняетъ творческую роль русскаго купечества. Вотъ, говоритъ онъ, — примѣръ нашей культуры — Волга. «Сто лѣтъ только прошло съ той поры, какъ императоръ Петръ Великій на рѣку эту расшивы пустилъ, а теперь по рѣкѣ тысячи паровыхъ судовъ ходятъ... Кто ихъ строилъ? Русскій мужикъ, совершенно неученый человѣкъ! Всѣ эти огромные пароходищи, баржи, — чьи они? Наши! Кѣмъ удуманы? Нами! Тутъ все наше — плодъ нашего ума, нашей русской сметки, и великой любви къ дѣлу! Никто ни въ чемъ не помогаль намъ! Мы сами разбой на Волгѣ выводили, сами на свои рубли дружины нанимали — вывели разбой и завели на Волгѣ, на всѣхъ тысячахъ верстъ длины её тысячи пароходовъ и разныхъ судовъ. Какой лучший городъ на Волгѣ? Въ которомъ купца больше? Чьи лучшіе дома въ городѣ? Купеческіе! Кто

больше всѣхъ о бѣдномъ печется? Купецъ... Кто храмы воздвигъ? Мы. Кто государству больше всѣхъ денегъ даетъ? Купцы... За славное, крѣпкое духомъ, рабочее русское купечество! Многая вамъ лѣта! Здравствуйте во славу матери Россіи!»

Не любо это творчество бунтарю Фомѣ, — задумывающемуся о смыслѣ жизни... Стыдно такъ жить... Стыдно строить всѣ эти суда, дома, церкви... Стыдно купецкими дѣлами давать доходъ государству. Обвелъ глазами Фома этихъ довольныхъ своимъ творчествомъ людей русской сметки... «Среди этихъ людей нѣтъ почти ни одного, о которомъ Фомѣ не было-бы извѣстно чего нибудь преступнаго». Купецъ, творецъ, а за спиной его — преступленіе... Маякинъ не боится «преступленій» наживы и собственного интереса, — «мы — коренные русскіе люди, и все, что отъ насъ, — коренное, русское! Значить, оно-то и есть самое настоящее — самое полезное и обязательное!» Врешь! рывкаетъ Фома. «Что вы сдѣлали? Не жизнь вы сдѣлали — тюрьму... Не порядокъ вы устроили — цѣпи на человѣка выковали... Душно, тѣсно, повернуться негдѣ живой душѣ... Погибаетъ человѣкъ. Душегубы вы... Понимаете-ли вы, что только терпѣніемъ человѣческимъ вы живы? Вы сдѣлали жизнь? Кто вы? Мошенники и грабители»...

И снова, и снова гремитъ обличитель преступнаго купецкаго творчества — «на пользу матери Россіи»... «Вы не жизнь строили — вы помойную яму сдѣлали! Грязищу и духоту развели вы дѣлами своими. Пятакъ — вашъ богъ! А совѣсть вы прогнали... Чужой силой живете, чужими руками живете! Сколько народа кровью плакало отъ великихъ дѣлъ вашихъ... Не въ огнѣ, а въ грязи кипящей варить васъ будутъ. Вѣками не избудете мученій»...

Но если среди этихъ строителей — преступниковъ заведется праведный человѣкъ, — какъ Фома, — ему не мѣсто тамъ... Какъ Изота, — его изведуть: честный, о жизни думающій, строить въ Россіи не можетъ. Онъ можетъ лишь исходить въ мученіяхъ, обличать и — въ концѣ концовъ выйти изъ своей среды, бродяжить (какъ помѣщичій сынъ Викторъ въ «Товарищахъ») или попасть въ сумасшедшій домъ какъ Фома... Для другихъ, для окружающихъ, Фома — «чудовище», занимающееся «ислѣдованіями о смыслѣ жизни», кричащее

вездѣ и всюду: «хочу послужить отечеству, хочу очистить землю отъ дрянныхъ людей». Изота убили. Фому выпустили изъ сумасшедшаго дома, но изгнали изъ своей среды. И ходитъ онъ, блаженненькій, а знающіе его купцы и обыватели города, смѣясь, кричатъ ему:

— Ну-ка, насчетъ свѣтопредставленія скажи слово, а? Хе-хе-хе... Про-рокъ!

Давно это было написано... Передъ первой русской революціей... Никто-бы не повѣрилъ тогда, что всѣ эти обличенія блаженнаго кунца Фомы облекутся плотью и стануть страшною быльею въ Октябрѣ... Все старое русское творчество будетъ объявлено — преступленіемъ, вся культура старая окажется лишь вампиромъ, сосушимъ кровь трудовыхъ людей. Всѣ лодки и баржи, и пароходы, и дома, и церкви, все, построенное кѣмъ бы то ни было на пользу «матери Россіи», будетъ дѣйствительно, уничтожено «пародомъ». Это будущее свѣтопредставленіе Фома-провидецъ предсказываетъ опредѣленно:

— Ну... скажемъ такъ: ѣдетъ человекъ въ лодкѣ по рѣкѣ... Лодка, можетъ быть, хорошая, а подъ ней — все таки глубина.. Лодка — крѣпкая... Но ежели человекъ глубину эту темную подъ собой почувствуетъ... никакая лодка его не спасетъ».

Едва-ли не всѣ герои Горькаго чувствуютъ подъ собой эту темную глубину. Окружающая жизнь ничѣмъ не привязываетъ ихъ къ себѣ и не творцы ся они... А всѣ творцы — преступники и ненавистна народу постройка ихъ. Тюрьму русскую они строятъ; всюду — для закабаленія человека. И потому такъ зянетъ подъ ними — темная глубина. И все въ русской жизни зыбко, все на песокъ сыгучемъ, все надъ бездною, и всѣ постройки — ни къ чему... Строить въ Россіи въ то время значило впасть въ преступленіе, ибо всѣ постройки — на «чужомъ трудѣ» и потому не приносятъ людямъ счастья, а къ самимъ строителямъ родятъ лютую, ничѣмъ не устранимую ненависть. Ибо строятъ они — купцы, помѣщики и бюрократы — не во имя общаго блага, не на пользу людей, не для ихъ благополучія, а исключительно для себя, для своей личной наживы, для убогосторенія жадной, эгоистической и ненужной людямъ жизни своей. А если заведется въ Россіи иной, честный строитель, не дадутъ ходу ему, а тѣмъ болѣе — постройкамъ его. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Лео

нидъ Андреевъ Горькій рассказываетъ объ одномъ священникѣ, объ отцѣ Феодорѣ Владимірскомъ, — человѣкѣ замѣчательномъ. Этотъ протоіерей города Арзамаса, а потомъ — членъ Второй Государственной Думы, поставилъ себѣ весьма исполнимую и совсѣмъ простую цѣль: дать городу Арзамасу водопроводъ. Городъ Арзамасъ со временъ Ивана Грознаго пилъ воду изъ прудовъ, гдѣ лѣтомъ плавали трупы утопшихъ кошекъ, куръ, собакъ, а зимою, подо льдомъ, вода протухала, приобрѣтая тошнотворный запахъ. Отецъ Феодоръ бродилъ «точно колдунъ» по полямъ и лѣсамъ и нашелъ подземные ключи, перекопалъ, направилъ ихъ въ лѣсную ложбину, получивъ на 10.000 жителей свыше 40.000 ведеръ прекрасной ключевой воды. Но купечеству и начальству водопроводъ былъ не нуженъ. У нихъ были лошади и они бочками привозили воду изъ ключей. Вотъ и стали они всячески затруднять работу отца Феодора. Уже найдя воду, отецъ Феодоръ «принужденъ» былъ вести длительную и скучную борьбу съ упрямымъ своекорыстіемъ богатыхъ и подленькой глупостью бѣдняковъ».

Это упрямое своекорыстіе богатыхъ и подленькая глупость бѣдняковъ поятъ отравой всю русскую жизнь; а умные попы Феодоры, могущіе творить для пользы общей, для массъ, тонуть въ тошной тинѣ русскихъ Арзамасовъ.

— Ты подумай, говорилъ Леонидъ Андреевъ, — кому, для чего нужно, чтобы въ тухломъ какомъ-то городѣ жилъ умница попъ, энергичный, интересный? Какая ерунда!

Тѣ же почти слова слышитъ Горькій и отъ А. П. Чехова:

— Въ Россіи честный человѣкъ — что-то вродѣ трубочиста, которымъ няньки пугаютъ маленькихъ дѣтей.

А этимъ писателямъ вторить и самъ Горькій. Заканчивая свои воспоминанія о М. М. Коцюбинскомъ, Горькій замѣчаетъ: «Трудно жилось ему: быть честнымъ человѣкомъ на Руси очень дорого стоитъ».

Больше всего на Руси людей совсѣмъ другого сорта, — такихъ, какими описывалъ ихъ въ интимной бесѣдѣ съ Горькимъ Чеховъ: вся Россія — страна какихъ то жадныхъ и лѣнивыхъ людей; «они ужасно много ѣдятъ, пьютъ, любятъ спать днемъ и во снѣ хранятъ. Психологія у нихъ — собачья: бьютъ ихъ — они тихонько морщиваются и

прячутся по своимъ конурамъ, ласкають — они ложатся на спину, лапки кверху и виляютъ хвостиками».

Такова жизнь — даже въ верхнемъ этажѣ. Жить и строить въ ней — просто невозможно. Остается одно: разрушить её, эту жизнь — «сволочь». И потому въ Россіи такое огромное количество бѣгуновъ отъ жизни. Одни уходятъ бродяжить, — эти презирають начисто всё человѣческія установленія, другіе — «дѣйствуютъ»... Какъ? А вотъ каторжанинъ Букаемовъ, Карпъ Ивановичъ... Философія его, отъ этого грѣшнаго міра отрѣшившагося, проста: «Иному кандалы-то ноги спутають, а душу освободятъ». Людей Букаемову не жалко, много загубилъ онъ ихъ на своемъ вѣку и дѣла свое знаетъ:

— Все надо дѣлать умѣючи... Ежели толстаго рѣзать — для этого случая надо раздѣться до гола... Въ немъ, въ толстомъ, всегда кровищи много... брызнетъ она, обольетъ тебя, — вотъ и улика противъ. А голый — ты хоть и попачкаешься — сейчасъ взялъ сырую тряпку, вытерся — вотъ и чистъ передъ людьми... Люди другъ друга не жалѣють, продолжалъ онъ, ну, и мнѣ ихъ жалѣть нечего. Добраго отъ нихъ не видалъ я. И — опять же, что такое люди? Ежели ихъ можно мучить, какъ базарныхъ крысъ... а они только бѣгутъ да прячутся...

Презрѣнные люди, жалости недостойные. И бѣгутъ отъ этихъ людей всё «честные», всё люди съ «совѣстью», съ задумчивостью — о смыслѣ жизни... Бѣгутъ и изъ своего «класса». Вотъ Савва Морозовъ, купецъ, фабрикантъ, дающій огромныя деньги большевистской партіи. Вотъ мебельный фабрикантъ Н. П. Шмидтъ, бросившійся въ огонь московскаго вооруженнаго возстанія и погибшій затѣмъ въ тюрьмѣ, перерѣзавъ себѣ сонную артерію...

Жить разумно въ нѣдрахъ этой жизни — нельзя... И потому такъ могучъ и красоченъ призывъ Горькаго къ всеобщему бунту, къ беспощадному разрушенію безчестной, подлой русской жизни...

Зацѣпиться въ творествѣ — не за что...

Это — основной мотивъ всѣхъ его произведеній.

V.

Но, вѣдь, все это или низы, лишеныя культуры, или обывательски-купеческая, полустихійная жизнь. Быть можетъ, есть просвѣтъ тамъ, гдѣ происходитъ творчество не баржъ, не домовъ, не церквей, а храмовъ мысли, рожденіе

новыхъ идей, — въ станѣ интеллигенціи, — этой соли земли русской? Можетъ быть, въ нихъ, въ этихъ носителяхъ мысли, — спасеніе? Можетъ быть, они знаютъ, куда идти, куда вести темный народъ?

Сочный, яркій, образный языкъ Горькаго находитъ множество самыхъ различныхъ формъ, чтобы какъ можно грубѣе, какъ можно рѣзче, какъ можно злѣе и безпощаднѣе поразить слабую, чахлую голову русской націи, ея интеллигенцію... Голова эта болтается на тоненькой ниточкѣ: она ничѣмъ не связана съ лѣнливымъ, грузнымъ и грязнымъ тѣломъ мѣщанской обывательщины... Не можетъ она, поэтому, ни направлять, ни одухотворять, ни расчищать эту страшную жизнь. Эта интеллигенція, говоритъ онъ словами Ежова, самодовольна. Она «набиваетъ себя грошовыми истинами, обгрызанными кусочками затхлои мудрости, и существуетъ какъ чуланъ, въ которомъ скѣпая хозяйка хранить всякій хламъ, совершенно ненужный ей, ни на что негодный... Дотронешься до такого челоуѣка, отворишь дверь въ него, и на тебя пахнетъ вонью разложенія, и въ воздухъ, которымъ ты дышешь, вольется струя какой-то затхлои дряни... Эти несчастные люди именуются людьми, твердыми духомъ, людьми принциповъ и убѣжденій. И никто не хочетъ замѣтить, что убѣжденія для нихъ — только штаны, которыми они прикрываютъ наготу своихъ душъ». Они потѣшаютъ себя разговорами, забывая, «что смѣшно, но совсѣмъ не остроумно разсуждать о бархатныхъ костюмахъ въ будущемъ, не имѣя въ настоящемъ даже приличныхъ штановъ». И мѣсто такимъ людямъ «твердыхъ убѣжденій» — въ анатомическомъ музеѣ. Если обтесался кунаецъ и сталъ культурнѣе, либеральнѣе, что за толкъ? Либеральный кунаецъ — это только «помѣсь волка и свиньи». А сама интеллигенція? «Я собралъ бы, — философствуетъ Ежовъ, остатки моей истерзанной души и вмѣстѣ съ кровью сердца плюнулъ-бы въ рожи нашей интеллигенціи, чор-ртъ ес по-бери! Я-бы имъ сказалъ: букашки! вы, лучший сокъ моей страны! Фактъ вашего бытія оплаченъ кровью и слезами десятковъ поколѣній русскихъ людей! О, гниды! Какъ вы дорого стоите странѣ!

А Фома вторитъ ему, внимаетъ его острыми рѣчамъ и — бросаетъ свое

— Круши! Круши!..

Интеллигенты — безстрастны, мягки, и не знают истинных началъ борьбы. Они — жалостливы. Но жалость — вредная вещь на землѣ. «Жалость требуетъ громадныхъ расходовъ на ненужныхъ и вредныхъ даже людей... Помогать надо людямъ крѣпкимъ, здоровымъ, чтобы они силу зря не тратили. А мы помогаемъ слабымъ, — слабого развѣ сдѣлаешь сильнымъ?» Это говорилъ полицейскій... И острую правду чувствовалъ Горькій въ этихъ словахъ. Позже онъ услышалъ тѣ же мысли отъ философа Баженаго, «умнаго» интеллигента: «Разсуждая послѣдовательно, — необходимо признать борьбу благимъ закономъ жизни; если-же жизнь борьба, жалость — неумѣстна. Я думаю, что гуманизмъ уже опоздалъ войти въ жизнь — опоздалъ тысячи на двѣ лѣтъ».

Въ самомъ дѣлѣ, — о какомъ «гуманизмѣ» можно говорить, когда жизнь кругомъ — «безсмысленна, постыдна, и противна». Въ ней «непосильный и рабскій трудъ однихъ безслѣдно весь уходитъ на то, чтобы другіе пресыщались и хлѣбомъ, и дарами духа!» Сама интеллигенція также пресыщается «дарами духа», не имѣя никакой возможности подѣлиться своими культурными навыками съ народомъ; ея оторванность отъ народа — поразительна, чудовишна. Самъ Горькій, сынъ народа, пытался проникнуть въ эту среду и слиться съ ней... Но... «Шумное сборище людей, которые жили въ настроеніи заботъ о русскомъ народѣ, въ непрерывной тревогѣ о будущемъ Россіи», — не удовлетворяло его. Эти люди жили и «возбуждались главнымъ образомъ отвлеченной, книжной мудростью. Всегда возбужденные статьями газетъ, выводами только что прочитанныхъ книгъ, они «сбѣгались въ лавочку Деренковыхъ (тайное пристанище казанскихъ радикаловъ) со всѣхъ уголковъ Казани для яростныхъ споровъ и тихаго шопота по угламъ. Приносили съ собой толстыя книги и, тыкая пальцами въ страницы ихъ, кричали другъ на друга, утверждая истины, кому какая нравилась».

А городъ и его коренные жители были, сами по себѣ, и жили не этой книжной мудростью, а своей «истиной», — своей подлой, полуживотной жизнью... Всюду и вездѣ, — въ Казани, Борисоглѣбскѣ, Царицынѣ, Нижнемъ Новгородѣ Горькій видѣлъ, что «множество образованныхъ людей жило трудной, полуголодной, унижительной жизнью, тратило цѣнныя силы на добычу куска хлѣба, а жизнь вокругъ

— такъ бѣдна разумомъ... Я видѣлъ, что всѣ эти разнообразно хорошіе люди — чужіе въ своей родной странѣ*), они окружены средой, которая враждебна имъ, относится къ нимъ подозрительно, насмѣшливо. А сама эта среда изгнивала въ липкомъ болотѣ окаянныхъ идиотическихъ мелочей жизни... Мнѣ хотѣлось какой-то разумной работы, подвига, бунта и порою я кричалъ: — Шире бери!»

Приходилось Горькому близко столкнуться съ такими патріархами радикальной интеллигенціи, какъ В. Г. Короленко, Н. Ф. Анненскій, Карошинъ. И тутъ не получалось душевнаго контакта: «Они казались мнѣ почти святыми въ увлеченіи «народомъ», — объектомъ ихъ любви, заботъ и подвиговъ. Въ нихъ я видѣлъ нѣчто героическое, но меня увлекалъ ихъ романтизмъ, точнѣе — социальный романтизмъ. Я видѣлъ, что они раскрашиваютъ «народъ» слишкомъ нѣжными красками, я зналъ, что «народа», о которомъ они говорятъ — нѣтъ на землѣ; на ней терпѣливо живетъ близоруко-хитрый, своекорыстный мужичекъ, подозрительно и враждебно поглядывая на все, что не касается его интересовъ; живетъ тупой жуликоватый мѣщанинъ, насыщенный суевѣрїями и предрасудками еще болѣе ядовитыми, чѣмъ предрасудки мужика, работаетъ на землѣ волосатый, крѣпкій купецъ, неторопливо насаждая сытую, законно-звѣрячью жизнь».

Горькій не разъ возвращается къ вопросу, — можно ли любить такой народъ? И отвѣчаетъ недвусмысленно:

— Любить, значить, соглашаться, снисходить, не замѣчать, прощать. Съ этимъ нужно итти къ женщинѣ. А развѣ можно не замѣчать невѣжества народа, соглашаться съ заблужденїями его ума, снисходить ко всякой его подлости, прощать ему звѣрство?

— Нѣтъ, нельзя...

Интеллигенція постоянно говоритъ о какихъ то обязанностяхъ, а странной душѣ народа дорого все, что возбуждаетъ мечту о возможности легкой жизни по законамъ личной воли. И потому интеллигентъ такъ чуждъ народу. Вотъ въ Борисо-

*) О «чужествѣ» интеллигенціи въ этотъ-же періодъ говорилъ и Е. Н. Чириковъ въ своихъ «Чужестранцахъ», и Гарипъ-Михайловскій, и многіе другіе беллетристы, и самъ Горькій въ «Дѣтяхъ солнца», «Дачникахъ» и т. д. Тема эта была особенно модной въ средѣ молодыхъ марксистовъ 1890 - 900 г. г.

глубокъ забрела группа «ададуровцевъ», — поднадзорныхъ политиковъ. Весь городъ «ненавидѣлъ этихъ людей»; обыватели ненавидѣли «ададуровцевъ» и за страхъ, какъ личныхъ враговъ своихъ, и за совѣсть, какъ враговъ «вѣры и царя». Даже рабочій Крюковъ, токарь, — чело-вѣкъ начитанный, и тотъ громко заявлялъ, что такихъ людей «перевѣшать надо», какъ вѣшали ихъ въ Питерѣ...

Эта пропасть, — глубокой разрывъ между народомъ и интеллигенціею все время мучить Горькаго. Самъ онъ не можетъ понять душу ихъ, — работу мысли ихъ:

Разумѣется я плохо понималъ эти споры, истины терялись для меня въ обилии словъ, — какъ звѣздочки жира въ жидкомъ супѣ бѣдныхъ.

Непонятны ему и мотивы потрясавшихъ тогда Россію студенческихъ волненій: «Начинались студенческія волненія, — смыслъ ихъ былъ непонятенъ мнѣ, мотивы — неясны. Я видѣлъ веселую суету, не видѣлъ въ ней драмы, и думалъ, что ради счастья учиться, учиться въ университетѣ можно претерпѣть даже истязанія». И его пріатели, крендельщики, изъ булочной Семенова тоже не понимали, — чего бунтуютъ? чего требуютъ? Чего требуютъ бары, могущіе учиться? И собирались итти къ университету избивать студентовъ:

— Гириями будемъ бить! говорили они съ веселой злобой.

«Я сталъ спорить, ругаться съ ними, пишетъ Горькій, но вдругъ почти съ ужасомъ почувствовалъ, что у меня нѣтъ желанія, нѣтъ словъ защищать студентовъ». У самого Горькаго создалось тяжелое положеніе, превосходно описанное имъ въ автобіографическомъ разсказѣ «Случай изъ жизни Макара»: отъ народа онъ оторвался («Самоучка... изъ народа», рекомендовали его интеллигенты), а въ средѣ интеллигенціи — еще болѣе органически чуждой ему, — онъ не нашелъ того, чего искалъ. Но чего-же онъ искалъ?

«Ночами, когда всѣ спали, онъ (Макаръ-Горькій), открывъ глаза, думалъ о томъ, какъ все вокругъ обидно, противно и жалко — главное-же обидно, унижительно. Какъ хорошо было-бы, если-бъ въ жизнь явились упрямые, упругіе люди и сказали-бы всему этому:

— Не хотимъ ничего подобнаго, хотимъ, чтобъ все было иначе».

Горькій откровенно сознается, что самъ онъ не зналъ, какъ именно нужно сдѣлать «иначе». Но онъ хорошо сознавалъ, что теоретики - интеллигенты, «рѣшившіе всѣ вопросы», «какъ топорами обрубаютъ живыя вѣтки разнообразно цвѣтущаго древа жизни, оставляя сучковатый, изуродованный, ограбленный стволъ, и онъ былъ воистину безсмыслененъ на землѣ!»

Да, онъ не зналъ тогда и никогда впослѣдствіи, какъ нужно сдѣлать иначе. Но онъ страстно хотѣлъ «привить имъ свою тоску, пошатнуть ихъ твердыя рѣшенія, расплескать устоявшееся, густое самодовольство». Нерѣдко встрѣчалъ онъ сочувствіе въ этомъ своемъ отношеніи къ «самодовольной» интеллигенціи и у болѣе развитыхъ рабочихъ. Вотъ бесѣда по душѣ съ рабочимъ, «политическимъ воротилой въ своей средѣ». Съ большой ненавистью говоритъ онъ о тѣхъ сложностяхъ, которыя громоздитъ въ жизни интеллигенція. «Рабочій возстаетъ для революціи, — ему нужно добиться правильнаго распредѣленія орудій и продуктовъ производства. Захвативъ власть окончательно, думаете, согласится онъ на государство? Ни за что! Всѣ разойдутся и, каждый за свой страхъ, устроятъ себѣ спокойный уголокъ... Нѣтъ, много лишняго у насъ и все это — отъ интеллигенціи; потому я и говорю интеллигенція вредная категорія». («Мои Университеты»).

Для рабочихъ интеллигенція — чуждая и вредная категорія. Для Горькаго — чуланъ, набитый всякимъ книжнымъ хламомъ; непригоднымъ для жизни. Ея страстные исканія пути, рычага, компаса — непонятны Горькому, — они книжны и не связаны съ жизнью. Но эта злая критика не мѣшала, конечно, самому Горькому получать культурную опору для своего таланта именно отъ этой нелюбимой имъ интеллигенціи... На что-то, значить, нужны были эти «книжники» самой русской жизни, а не только «анатомическому музею»..

Близко прикасаясь къ «низамъ», къ русской вольницѣ изъ народа, Горькій отчетливо осязалъ эту оторванность интеллигенціи отъ народа и его психологию. «Постепенно, пишетъ онъ въ «Моихъ Университетахъ», это ощущеніе перерождалось въ предчувствіе катастрофы. Въ 1905 г., сидя въ Петропавловской крѣпости, я пытался разрабо-

тать эту-же тему въ несудачной пьесѣ «Дѣти солнца». Если разрывъ воли и разума является тяжелой драмой въ жизни индивидуума, — въ жизни народа этотъ разрывъ — трагедія... На одной сторонѣ бессмысленно и безысходно мечется сила инстинкта, — на другой — бьется обезкрыленной птицей разумъ, — запертъ въ грязной клеткѣ быта».

Трагедія описана совершенно вѣрно. Вѣдь, потому-то «обезкрыленная птица», не жалѣя жертвъ и вела борьбу за право слиться съ народомъ — въ новомъ, свободномъ государствѣ, въ новомъ бытѣ, въ новомъ духовномъ союзѣ... Искала компаса...

Воля и сила инстинкта опередятъ ваши тускляя исканія! предостерегающе говорятъ интеллигенціи всѣ безъ исключенія предреволюціонныя произведенія Горькаго. Пока вы ищете компасъ, путь къ наилучшему устройству жизни и государства, — усиливается вѣтеръ, — крѣпнеть воля — къ бунту... Бунтъ — вотъ гдѣ исходъ трагедіи... И жалкими вы, интеллигенты, будете съ своей книжной мудростью передъ лицомъ этой стихіи, — бунта... Тигры изъ мѣхового магазина...

VI.

Но «тигры изъ мѣхового магазина» именно въ этой точкѣ, — в ѣ историческомъ предощеніи бунта — сходились съ писателемъ, ихъ не любившимъ... Сами они отвѣчали нѣжной любовью на всѣ его филиппики противъ нихъ. Когда царская полиція выслала Горькаго изъ Нижняго Новгорода (ноябрь 1901 г.) его поѣздка въ Крымъ обратилась въ триумфальное шествіе. Толпы народа встрѣчали его поѣздъ на вокзалахъ криками: — Ура! Да здравствуетъ Горькій, пѣвецъ свободы, сосланный безъ слѣдствія и суда!

Всюду разбрасывались прокламаціи, приглашавшія присоединиться къ протесту. А въ нихъ гектографировано: «Пусть-же путь борца за свободу человѣческой личности будетъ триумфальнымъ шествіемъ побѣдителя, и еще разъ смѣлымъ, открытымъ протестомъ общество откликнется на вызовъ правительства. Пусть мыслящая Россія покажетъ, что она уже достаточно развилась для того, чтобы бороться за свои права, не боясь грубой силы». Бороться за свои права — в мѣстѣ съ Горькимъ, пѣвцомъ сво-

боды... Горькій былъ безграично дорогъ интеллигенціи двойнѣ: это, во-первыхъ, — выходецъ изъ народа. Вѣдь, и другу его, артисту Шаляпину, это же обстоятельство прибавляло немало поклонниковъ. Смотрите — какъ талантливъ русскій народъ и какіе великаны творчества выходятъ изъ него даже въ тяжкихъ условіяхъ его жизни. А, во-вторыхъ, Горькій сумѣлъ отвѣтить на самыя сокровенныя мечты интеллигенціи — о взрывѣ затхлаго строя и быта, ненавистнаго и ей больше, чѣмъ кому бы то ни было.

Да, въ этой именно точкѣ спаялись писатель и его читатели. Своимъ творчествомъ Горькій раскрывалъ, дѣлалъ явной какую-то всѣмъ близкую историческую тайну. Въ сущности, это было раскрытіе будущей катастрофы, крушенія, бури... Но — развѣ онъ одинъ? То, что онъ принесъ — какъ ощущеніе — изъ своей среды, изъ толщи народной, Левъ Толстой принесъ изъ среды совсѣмъ иной, — съ самыхъ высотъ культурно-аристократическаго міра. Отрицаніе сущаго, отрицаніе полное и безповоротное. Будущее «переустройство» общества, и, главное, самого человѣка, каждый изъ проповѣдниковъ возстанія представлялъ себѣ по разному. Но историческое задание — бунтъ, бунтъ души и бунтъ политической, — это задание пронизывало творчество почти всѣхъ русскихъ писателей конца XIX в. Это былъ духъ эпохи. Въ своемъ крайнемъ отрицаніи Горькій не выходилъ изъ орбиты общихъ настроеній. Когда вся жизнь кругомъ была проникнута «хамоватостью», — какъ-же можно было не внимать пѣснямъ бунтаря? «Хамоватость россіянь» возмущаетъ Горькаго, — но вѣдь, возмущала она и все образованное общество. Гнѣвныя обличенія писателя въ беллетристической формѣ вліяли неизмѣримо глубже, захватывали кругъ читателей неизмѣримо болѣе широкой, чѣмъ политическая публицистика съ ея езоповскимъ языкомъ и недостаткомъ словъ для яснаго выраженія мысли. Ругая страшными словами интеллигенцію, онъ въ то-же время дѣлалъ ея дѣло и даже больше: русскій бунтъ, несомнѣнно, имѣлъ глубокіе національные корни. Каждый по своему, но всѣ вообще становились какимъ-то образомъ подрывателями основъ доживающаго свой вѣкъ строя. Булочники не понимали, за что воюють студенты, а студенты были плотной полицейской стѣной отдѣлены отъ

общенія съ булочниками. Но было ясно, что когда нибудь, — и очень скоро, — они сойдутся въ какой-то исторической точкѣ...

Отрицаніемъ, бунтомъ, всякаго рода возмущеніемъ жизни надо вырвать проклятое наслѣдіе самодержавія и недавняго крѣпостного права: хамовитость души р о с с і я н ѣ... Вотъ задача, которую стихійно выполняетъ и народъ, задумывающійся о жизни, и интеллигенція... Вырвать хамовитость, вырвать съ корнемъ... Иначе нельзя воздвигнуть храмъ свободы. А тутъ-же, рядомъ, стоитъ любимый художникъ и учитъ познанію настоящаго чело-вѣка:

— Я призванъ для того, — чтобы распутать узлы всѣхъ заблужденій и ошибокъ, связавшіе запуганныхъ людей въ кровавый и противный комъ, животныхъ, взаимно пожирающихъ другъ друга!

— Я созданъ Мыслью затѣмъ, чтобы опрокинуть, разрушить, растоптать все старое, все тѣсное и грязное, все злое, — и новое создать на выкованныхъ Мыслью незыблемыхъ устояхъ свободы, Красоты и — уваженія къ людямъ!..

Чудныя слова, сплотивавшія людей — для беспощадной борьбы за свободу... И вся молодая Россія трепетала, внимая желанной пѣснѣ художника:

«Громъ грохочетъ. Въ пѣнѣ гнѣва — стонуть волны, съ вѣтромъ споря. Вотъ охватываетъ вѣтеръ стаи волнъ объятыемъ крѣпкимъ и бросаетъ ихъ съ размаха въ дикой злобѣ на утесы, разбивая въ пыль и брызги изумрудныя громады».

«Буревѣстникъ съ крикомъ рѣветъ, черной молніи подобный, какъ стрѣла пронзаетъ тучи, пѣну волнъ крыломъ срываетъ... Буря! скоро грянетъ буря!.. Пусть сильнѣе грянетъ буря!» Все въ русской жизни взывало тогда къ бурѣ и къ горѣнію. Даже лирика Бальмонта сливалась съ этимъ настроеніемъ революціоннаго предгрозя:

Я спросилъ у высокаго Солнца,
Какъ мнѣ вспыхнуть свѣтлѣе зари?
Ничего не отвѣтило Солнце,
Но душа услышала: «Гори!»

«Гори!» Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсню... Это была настоящая правда жизни: все загоралось кругомъ,

загоралось и разгоралось все сильнѣе, чтобы объять за-
тѣмъ всю страну всесокрушающимъ пламенемъ.

Буревѣстникъ, гордый соколъ, шель впереди. И быть
горячо любимъ всѣми борцами за русскую свободу...

Развѣ могли тогда родиться мысль или опасеніе за
прочность служенія писателя свободѣ и за вѣчность та-
кой яркой любви къ нему борющейся интеллигенціи?

Нѣтъ, не могли. Никогда.

VII.

Самъ художникъ, воспламенявшій души людей своимъ
художественнымъ творчествомъ, не остался простымъ зри-
телемъ революціонной борьбы: онъ къ ней примкнулъ.
Правда, примкнулъ сбоку, не очень роясь въ «книгахъ бы-
тія», не владѣя самъ компасомъ, а вѣря на слово специа-
листамъ ъвъ политикѣ, — «профессіональнымъ революці-
онерамъ»: они дорогу должны знать. Съ одной стороны
это было непослѣдовательно, не соответствовало всѣмъ
его воззрѣніямъ на интеллигенцію. Русскіе «профессіо-
нальные революціонеры» были, вѣдь, тѣ-же «книжные ин-
теллигенты», ничѣмъ или почти ничѣмъ не связанные съ
«народной стихіей». Какъ можно было довѣрять ихъ ком-
пасу?

Но съ другой стороны симпатіи Горькаго къ самому
крайнему флангу революціи этимъ воззрѣніямъ вполнѣ со-
ответствовали. Въ самомъ дѣлѣ. Если русская жизнь такъ
«хамовита», если въ ней не за что зацѣпиться для творче-
ства во имя свободы, если ни купчики, ни народъ, ни ин-
теллигенція не могутъ соединиться съ разумомъ творя-
щимъ и если все гнило и подло, — что жъ пусть же будетъ
бунтъ, — бунтъ какъ можно скорѣе, какъ можно ради-
кальнѣе, беспощаднѣе, сокрушительнѣе. И Горькій по-
слѣдователенъ. Съ давнихъ поръ онъ становится близокъ
къ фракціи большевиковъ. Груда полицейскихъ донесеній,
лежащихъ теперь въ музеѣ Горькаго, говорятъ объ этой
сторонѣ его работы. Онъ участвуетъ въ сѣздахъ с. д.
партіи, достаетъ и даетъ ей деньги, устраиваетъ школу
подготовки пропагандистовъ на о. Капри, агитируетъ въ
Европѣ противъ займовъ самодержавія, требуетъ, чтобы
на злодѣянія русскаго деспотизма Европа отвѣтила сво-
имъ властнымъ «Щыцъ»... Вообще вѣра въ Европу, жела-
ніе ея вмѣшательства въ русскія дѣла все время не поки-

даетъ Горькаго. Сомнѣвается онъ не въ правѣ ея вмѣшательства, а лишь въ малой ея активности въ этомъ направленіи *).

Въ смыслѣ тактики Горькій больше всего сочувствуетъ тактикѣ крайней. Забастовки, возстанія, бунты крестьянъ, даже экспроприаціи, овладѣніе складами оружія — вотъ тактика, достойная революціонеровъ. Въ письмѣ къ Пятницкому онъ описываетъ съ пскрываемымъ восторгомъ московское вооруженное возстаніе 1905 г., «веселую постройку баррикадъ», — «ей Богу ничего подобнаго не ожидалъ: публика настроена удивительно!» Усѣянность трупами площади Николаевского вокзала не пугаетъ его: какая же борьба безъ жертвъ? Расположеніе силъ въ этомъ возстаніи вызываетъ пророчество Горькаго, — въ томъ-же письмѣ: «Побѣдитъ, разумѣется, начальство, но — это ненадолго и какой оно превосходный урокъ даетъ публикѣ! И недешево это будетъ ему стоить».

Чѣмъ бурнѣе нарастаютъ событія, тѣмъ активнѣе содѣйствуетъ Горькій революціи. 22-го іюня 1906 г. онъ помѣщаетъ въ «Daily Chronicle» статью, — обращеніе къ Англій: «Народъ (русскій) борется за свободу ученія, царь — за свободу власти, бюрократія за свободу воровства... Борьба эта имѣетъ общее европейское значеніе. Если правительство временно одержитъ верхъ, у вашихъ дверей будетъ существовать очагъ, вокругъ котораго зародятся разныя катастрофы и нравственное вліяніе котораго, несомнѣнно, гибельно отзовется на развитіи европейской цивилизаціи. Британцы! Вы имѣете возможность сдѣлать выборъ. Будете-ли вы поддерживать тирана съ его сателитами и замыслами противъ цивилизаціи или молодую поднимающуюся демократію, жизнеспособную и богатую своими духовными силами. Борьба будетъ продолжительная. Она окончится или образованіемъ великой русской

*) И Европа вмѣшивалась... Когда Горькій былъ арестованъ послѣ 9-го января, въ Петербургъ тотчасъ же прибылъ англійскій корреспондентъ Лонгъ съ цѣлью «ознакомиться съ условиями содержанія М. Горькаго въ крѣпости — для правильной информации европейскаго общественнаго мнѣнія». Въ этомъ смыслѣ Лонгомъ и была подана записка министру Двора барону Фредериксу.

Попробовало-бы теперь «европейское общественное мнѣніе» ознакомиться съ Соловками, способами «выведенія въ расходъ», или сидѣнья въ тюрьмахъ годами — «безъ суда и слѣдствія»...

демократіи или гибелью Россіи. Съ кѣмъ хотите, вы заключить союзъ?.. Которую Россію вы считаете настоящей, способной къ жизни, къ труду, и къ той цивилизаціи, которую вы такъ любите и цѣните? *)).

Всѣхъ, кто можетъ услышать, кто можетъ содѣйствовать разрушенію царскаго деспотизма, — зоветь Горькій — къ дѣйствию. Въ бездѣйствіи укоряетъ онъ Европу, въ бездѣйствіи и потворствѣ преступленіямъ. Въ письмѣ къ виднѣйшему финскому художнику Акселю Гамсену, Горькій пишетъ: «Черныя вѣсти идутъ изъ Россіи, подлая вѣсти о томъ, что духовно мертвое, опившееся кровью самодержавіе, пьяное отъ сладострастія, жестокости, обезумѣвшее отъ преступленій русское правительство снова начинаетъ варварскій походъ противъ маленькой Финляндіи... Я полагаю, что за всю исторію человѣчества не было столь кровавыхъ, позорныхъ страницъ, какъ страницы борьбы русскаго правительства за свою власть и противъ своего народа. И какъ грустно видѣть, что Европа, гордая своей культурой, видя поголовное развращеніе цѣлаго народа, не можетъ, не хочетъ сказать развратникамъ и насильникамъ изъ дома Романовыхъ и иже съ ними свое грозное, человѣческое «Цыцъ».

Въ этомъ письмѣ Горькій указываетъ уже опредѣленно и тѣ здоровыя силы будущаго, на которыя слѣдуетъ опереться въ борьбѣ: «единственный истинный элементъ въ Россіи, это ея революціонныя, ея крайнія партіи. Только онѣ стоятъ въ непосредственной близости къ массамъ русскаго народа и только онѣ знаютъ цѣну свободы и цѣну культуры». Пропасть, которая такъ мучила Горькаго, пропасть между народомъ и интеллигенціей, можетъ быть зарыта, можетъ быть изжита лишь въ тѣсномъ союзѣ крайнихъ элементовъ народа съ крайними партіями. Только тутъ, только въ нѣдрахъ крайнихъ партій. Этотъ-же мотивъ звучитъ и въ произведеніи «Мать». И тутъ спайка двухъ — пропастью раздѣленныхъ — пластовъ должна произойти лишь въ этой точкѣ. «Съ такими людьми (революціонерами) можно идти народу, они на маломъ не помирятся, не

*) Это воззваніе Горькаго противъ царской Россіи почти буквально воспроизводитъ теперешнія воззванія — противъ Россіи совѣтской. Странная судьба страны: при каждомъ режимѣ — быть пугаломъ и угрозой европейской цивилизаціи...

остановятся, пока не одолѣютъ всѣ обманы, всю злобу, всю жадность, они не сложатъ рукъ, покуда весь народъ не сольется въ одну душу, пока онъ въ одинъ голосъ не скажетъ: «Я — владыка, я самъ построю законы для всѣхъ равные».

Итакъ, вотъ цѣль бунта: народъ — владыка. Путь къ этому — отдача себя этимъ народомъ въ руки крайнихъ революціонныхъ партій. Лишь въ огнѣ революціонной борьбы книжная, дряблая русская интеллигенція переплавляется въ силу, способную двигать массы. И такой переплавленной, закаленной интеллигенціи можно довѣритъ ѣдѣло свободы... Крайнія и только крайнія партіи не заражены гуманизмомъ, опоздавшимъ придти въ міръ на двѣ тысячи лѣтъ. Не знаютъ они и жалости, этого чувства слабыхъ. Сильныя, жестокія, закаленные, съ навыками революціоннаго централизма, онѣ и только онѣ спаяютъ народъ и поведутъ его къ цѣли, — къ владычеству равныхъ..

Въ политикѣ, въ своей симпатіи къ крайностямъ, въ присоединеніи къ большевикамъ, в ѣпомощи имъ и другимъ крайнимъ партіямъ Горькій нашель тотъ синтезъ, который трудно вскрыть въ его художественныхъ произведеніяхъ. Въ этомъ творчествѣ его — лишь предчувствіе катастрофы и галерея безчисленныхъ типовъ — отрицателей старой Россіи. Въ политикѣ — уже дѣйствіе, выборъ пути. И путь этотъ — единственный: черезъ революцію. Эту революцію онъ ощущаетъ и предвидитъ съ начала 900 г. г. А послѣ 1905 г. — считаетъ ее почти уже наступившей. Такъ, въ письмѣ къ французскимъ рабочимъ въ 1906 г. онъ пишетъ: «Часъ всеобщаго возстанія въ Россіи близокъ. Если не хотите, чтобы ваши русскіе товарищи шли въ бой съ голыми руками, — жертвуйте имъ деньги на оружіе и аммуницію: этимъ вы лучше всего поможете ихъ борьбѣ за свободу». Революція грядетъ...

VIII.

Таковъ былъ Горькій въ прошломъ, — въ своихъ произведеніяхъ и въ революціи. Обличитель звѣрско-хамоватаго лица русскаго народа и ненавистникъ «книжной мудрости» интеллигенціи, онъ плыль тѣмъ не менѣе — вмѣстѣ съ ними — къ послѣдному штурму крѣпостей стараго режима, — плыль, всѣми любимый и почитаемый. Его

большевизмъ не только не отталкивалъ, — но прибавлялъ обаянія: вялое, мало подвижное русское общество весьма недвусмысленно поощряло крайности. Извѣстны симпатіи самыхъ умѣренныхъ людей къ террору и даже тайная помощь ему. Соціалистическая окраска крайнихъ партій также не пугала: социализмъ — это такъ далеко! А пока и помѣщики изъ кадетской партіи отъ всей души принимали ея широкую аграрную программу — съ экспроприаціей земли отъ самихъ себя. Правда, сама большевистская партія всегда держалась отщепенцемъ, не сливавшимся съ общимъ русломъ движенія. Но вѣдь она была все же въ немъ, въ этомъ руслѣ... Уродливый ростъ вѣтки на русскомъ дрѣвѣ освобожденія — и только. Развѣ пришло бы тогда кому нибудь въ голову считать большевизмъ отпрыскомъ «русской реакціи»? Можно было порицать его тактику, диктаторскіе навыки его вождей, — но кто-же мыслить подполье безъ диктаторства, безъ этого абсолютнаго повиновенія всѣхъ членовъ партіи невидимой маффіи? Все это было — въ порядкѣ вещей... И всѣмъ еще памятенъ процессъ перваго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ въ 1906 г., когда обвиняемый Троцкий жарко защищалъ со скамьи подсудимыхъ Учредительное Собраніе, а разные «общественные дѣятели» горячо защищали его и его товарищей — въ качествѣ свидѣтелей и адвокатовъ. Да, это была вѣтка единого освободительнаго движенія...

Первые признаки глубокаго психологическаго разрыва между писателемъ и его почитателями стали обнаруживаться еще до революціи. Если симпатіи писателя къ крайнимъ теченіямъ ни для кого не дѣлали его чужимъ, то его позиція по отношенію къ войнѣ 1914 г. сразу же оборвала многія его прочныя связи. Именно съ этого момента и началось охлажденіе, доходящее часто до рѣзкихъ заявленій противъ прежняго любимца.

Русская общественность, въ особенности радикальная, никогда не страдала излишкомъ патріотизма. Во всякомъ случаѣ русская дѣйствительность не воспитывала и не охраняла роста подобныхъ чувствъ — къ родинѣ и ничѣмъ не содѣйствовала ихъ проявленію. Но война 1914 г. что-то перевернула. Если существуютъ массовыя предчувствія, то въ годы 1914 - 1917 эти предчувствія были налицо. Кому не приходилось въ эти годы встрѣчать людей, революціонно-настроенныхъ и въ то-же время готовыхъ со-

вершать всякія дѣйствія для поддержанія арміи и для побѣды Россіи. Эти люди не могли не понимать, что одержаніе побѣды въ такой войнѣ, несомнѣнно, укрѣпило-бы самодержавіе. И тѣмъ не менѣе судьба Россіи въ этомъ грандіозномъ столкновеніи народовъ была для нихъ на первомъ мѣстѣ: такъ велико было сознаніе или предчувствіе возможной гибели страны въ случаѣ неудачной войны. Сразу-же была понята и опасность такъ называемаго пораженчества. И потому лишь очень небольшая кучка убѣжденныхъ пораженцевъ воспользовалась войной и поведла атаку на самодержавіе путемъ разложенія русской арміи. Разложеніе арміи пошло въ высшей степени успѣшно. И не только потому, что война была непосильна для 10-милліонной арміи, поставленной въ самыя тяжкія условія ослабѣвшимъ аппаратомъ власти. Была еще и другая, болѣе глубокая причина быстрой реакціи измученныхъ солдатъ на призывныя слова листовокъ о мирѣ, братаніи и оставленіи фронта. Можно не соглашаться съ той аттестаціей русскаго народа, которую даетъ въ своихъ произведеніяхъ Горькій; можно находить еѣ лубочной, нарочито-преувеличенной. Но нельзя отказать большому художнику въ умѣннѣ схватить многое типичное, органически связанное съ описываемой средой. Перечитайте всѣ произведенія Горькаго изъ народной среды, — да не его одного — и вы никогда не найдете въ нихъ даже намека на чувства, именуемая патріотизмомъ, — привязанностью, любовью къ родинѣ. Напротивъ: родина — ненавистна. Родина — это грязь жизни. Да и нѣтъ вообще такого чувства, интуиція художника его не схватываетъ.

Что это такое: дефектъ воспріятій художника или реальность самой жизни? Отвѣтъ на этотъ вопросъ самъ собой напрашивается при чтеніи «Итальянскихъ сказокъ» Горькаго. Въ нихъ онъ беретъ ту-же среду: трудовой народъ. Но какая громадная разниа психологическихъ типовъ! Нѣтъ и въ поминѣ этихъ всесокрушающихъ настроеній русскаго бунта. Организованные рабочіе, знамена сплоченныхъ союзовъ, солидарность — въ битвахъ, взаимная поддержка — все не русское, иное, все построено на иномъ душевномъ укладѣ.

Вотъ дѣти забастовщиковъ идутъ стройными рядами по пяти въ рядъ. Идутъ «на кормленіе»: ихъ сейчасъ разберутъ по домамъ рабочіе, не находящіеся въ стачкѣ, — своеобразная помощь забастовщикамъ. Дѣтей встрѣчаютъ

на вокзалѣ огромная толпа, а музыка играетъ имъ встрѣчу — гимнъ Гарибальди. Вытянулись, выросли, сгрудились дѣтскіе ряды въ одно тѣло и сотнями голосовъ, но звукомъ одной груди крикнули:

— Viva Italia! Evviva Garibaldi! Viva Italia...

Viva Italia, родина.. У пролетаріата Италіи есть родина и лишь въ нѣдрахъ ея происходитъ борьба съ гнетомъ капитализма, — художникъ Горькій замѣтилъ это и такъ красочно изобразилъ. Нигдѣ, ни въ одномъ его произведеніи изъ русской жизни нѣтъ и намекъ на такія настроенія. Трудно представить себѣ героя горьковскихъ произведеній, вдохновенно кричащаго: да здравствуетъ Россія! Да благоденствуетъ родина! И не его вина: въ старой Россіи трудно было услышать этотъ крикъ. Въ ней художникъ все время слышалъ лишь одинъ крикъ, похожій на жалобный стопъ: «жизнь—сволочь; жизнь — грязь и вонь; жизнь людская растаковская: кипитъ она кипитъ, а все ничего путнаго въ ней не сварится». Въ Италіи — рабочіе, социалисты, забастовщики съ колыбели учатъ дѣтей тому, что есть вещи, гораздо болѣе дорогія, чѣмъ «классовая борьба» или даже социализмъ, есть вещи дороже ихъ собственныхъ, классовыхъ интересовъ — Италія и идеалы Гарибальди... И потому такъ мощно вздымается къ небу дѣтскій крикъ: Evviva Italia...

У рускаго пролетаріата такой родины — не было. И потому пропаганда пораженчества, роковыя слова: — пусть лучше побѣдитъ культурный кайзеръ, чѣмъ кровавый императоръ, — съ самаго начала войны вносила замѣшательство въ ряды русскихъ рабочихъ, ей внимавшихъ. Въ бытность Горькаго въ ноябрѣ 1914 года въ Кіевѣ къ нему явились представители союза портныхъ съ вопросомъ: какъ надо относиться къ этой войнѣ? Ихъ учитель и любимый писатель долженъ это знать...

— Я не могу ничего сказать вамъ, отвѣтилъ имъ Горькій. Въ этомъ вопросѣ я и самъ запутался... Къ декабрю 1915 г. его «запутанность» прошла: вышелъ № 1-й «Лѣтописи» съ яркимъ и опредѣленнымъ налетомъ отрицательнаго отношенія къ «защитѣ отечества». Это не была просто отвлеченная антимилиитаристская пропаганда, не имѣющая отношенія къ происходящимъ событіямъ, и не на принципѣ «не убій» она покоилась. Это былъ сначала осторожный, затѣмъ все болѣе и болѣе усиливающийся переводъ войны международной, — въ которой на долгіе годы

рѣшались судьбы каждаго изъ государствъ, — въ войну внутреннюю, гражданскую. Но гражданская война въ такое время — одно изъ могучихъ условій пораженія страны. Не понять этого тогда было совершенно невозможно. Сознательно рылась глубочайшая пропасть между защитниками страны, въ ряды которыхъ встало и огромное число социалистовъ и демократовъ, и пораженцами, во главѣ съ большевистской фракціей.

Февральская революція не спаяла эти два теченія, все болѣе и болѣе расходившіеся. Но она дала въ руки пораженцевъ могучее орудіе пропаганды: свободу печати, собраний, организаціи. Подпольная до тѣхъ поръ пропаганда вышла наружу. Въ Петербургѣ стала открыто выходить «Новая Жизнь» Горькаго, въ другихъ мѣстахъ, въ особенности на фронтѣ зажглись безчисленные «Звѣзды», «Зори», «Солдатскія Правды» и т. д. Захвачены были и окраины: «Кійръ» — на эстонскомъ языкѣ, «Tiesa» («Правда») на литовскомъ дѣлали одно и то же дѣло: «Долой войну! Да здравствуетъ миръ!» *).

Конечно, одна пропаганда безсильна произвести «смуту умовъ» въ народѣ, спаянномъ въ одинъ организмъ. Такимъ организмомъ Россія не была. И — это больше, чѣмъ кто-бы то ни было другой, зналъ Горькій, — бытописатель и знатокъ примитивной души народной.

Отношеніе Горькаго къ войнѣ уже подготовило почву для рѣзкаго расхожденія его съ русской интеллигенціей. Это не значитъ, однако, что правы тѣ — тоже примитивы, — которые говорятъ: вотъ онъ, врагъ Россіи! Распни его! Онъ — причина ея пораженія... Причины пораженія Россіи такъ глубоки, многообразны и сложны, что еще многіе и многіе годы историки будутъ извлекать ихъ изъ разрозненныхъ фактовъ и событій. Но каждый человѣкъ въ поведеніи своемъ — символъ большихъ или малыхъ линій, вредныхъ или полезныхъ — въ общей суммѣ явленій. Съ этой точки зрѣнія и отвѣтственность каждаго за «выведеніе линіи» — неоспорима...

*) Осужденіе такого роста пропаганды вовсе не означаетъ утвержденія, что Россія — безъ этой пропаганды — могла-бы продолжать войну «до побѣднаго конца». Осужденіе касается лишь способа «выхода Россіи изъ войны» — въ смыслѣ ея безопасности и достоинства какъ государства, взявшаго на себя опредѣленные обязательства.

IX.

Послѣ краткаго періода «идеалистической революціи Февраля», исполнилось желаніе Горькаго: пришли сильные, упрямые, жестокіе люди и сказали — по Горькому:

— Ничего этого не хотимъ. Хотимъ, чтобы все стало иначе...

И все стало иначе. Совсѣмъ иначе. До самага дна были исчерпаны средства разрушенія всего стараго. Упрямые люди стали на дѣлѣ доказывать, что гуманизмъ опоздалъ на двѣ тысячи лѣтъ и что считается съ нимъ — бессмыслица. Имъ нужна была — «для дѣла» — сила чисто физическая: разумъ они признавали только свой и ничей больше. Полученіе физической силы также не представляло затрудненій: драться русскій народъ любилъ и шутя, незлобливо, и съ большой злобой — на обидчиковъ своихъ. Этыхъ обидчиковъ надо было ему указать. Въ число ихъ попала не только вся «русская буржуазія», — вотъ всѣ эти купцы, создатели баржъ, пароходовъ, домовъ, церквей и т. д., фабриканты, помѣщики, — но и... народолюбивая интеллигенція. И она — даже въ лицѣ тѣхъ своихъ крайнихъ партій, которымъ когда-то такъ симпатизировалъ Горькій, была объявлена врагомъ народа... Немедленно — при общей отмѣнѣ всего стараго — была отмѣнена также и основная цѣль революціи, — цѣль, за которую положили свои головы множество людей и многихъ поколѣній: революціонное преобразование Россіи на основахъ права и свободы. Эта единственная цѣль была замѣнена другой: міровая революція. Соответственно была измѣнена и конституція страны: національное правительство Россіи являлось уже органомъ второстепеннымъ, подчиненнымъ интересамъ и цѣлямъ другого правительства, — III-го Интернаціонала...

Эту замѣну національныхъ цѣлей революціи интернаціональными буквально вся русская интеллигенція встрѣтила страстнымъ негодованіемъ и протестомъ. Горячо присоединился къ протесту и Максимъ Горькій, съ обычной яркостью формулировавъ причину своего гнѣва:

— «Штыкомъ и пулей правительство совѣтовъ стремится овладѣть волей массъ, не стѣсняясь разстрѣлами, убійствами, арестами несогласныхъ съ нимъ, не стѣсняясь никакой клеветой и ложью на врага».

На минуту это былъ прежній Горькій: вѣдь не для повторенія-же «преступленій самодержавія» всю жизнь призывалъ онъ къ бунту... Какъ-же не возмутиться при видѣ тѣхъ-же преступленій, но увеличенныхъ до гигантскихъ размѣровъ?

Идейный протестъ интеллигенціи потонулъ въ буйномъ вихрѣ мести, насилія и разрушенія всѣхъ рѣшительно основъ старой жизни, — дурныхъ и хорошихъ. Почетныя мѣста получили Карпы Букоемовы, съ давнихъ поръ потерявшіе «жалость къ человѣку»: ихъ приспособили къ выполненію «задачъ революціи»...

Тяжелый, кровавый кошмаръ придавилъ страну. Хамство и хамовитость стали высоко котируются въ странѣ, устроившей «все иначе». Праведнымъ людямъ — какъ Изоту — еще тяжелѣй стало жить на землѣ: затопчуть, изведуть... Средневѣковое «слово и дѣло» получило картю вольностей и нашло многочисленныхъ исполнителей. У воротъ безчисленныхъ тюремъ, какъ въ Горьковской «Тюрьмѣ», неизмѣнно стоитъ «кто-то низенькій, толстый и сѣрый, какъ туманъ, и сильнымъ, равнодушнымъ голосомъ говорить».

— Эге! Ще одного привезли? А мѣстовъ — вже нема!

Мѣстовъ — вже нема: обитателей тюремъ — видимо не видимо! Все иначе стало въ этой странѣ и только старую пѣсню поютъ «враги народа»:

Сквозь желѣзныя рѣшетки
Съ неба въ окна смотрять звѣзды...
Ахъ! въ Россіи даже звѣзды
Смотрять съ неба сквозь рѣшетки...

Упругіе, сильные люди правятъ страной, заволяютъ тюрьмы, снимаютъ головы, уничтожаютъ старые предразсудки о цѣнности свободъ и все это — ради цѣлей, странѣ невѣдомыхъ... Революція вскрыла глубокую правду въ изображеніи Горькимъ лика русскаго народа, столь легко позволившаго овладѣть своей волей для совершенія всѣхъ этихъ преступленій во имя чего? Во имя «дня всеобщей дѣлежки», этого веселаго, удалаго, пьянаго праздника, этого «богослуженія дикарей», за которымъ должны по слѣдовать десятилѣтія тяжкаго и страшнаго похмѣлья...

— Такъ овладѣвать волей дикихъ массъ нельзя, прс-

ступно! крикнулъ старый соколъ, лѣвецъ свободы и владычества равныхъ.

Крикнулъ и... потерялъ голосъ. Теперь онъ уже не кричить со всей силой своего таланта:

— Шире бери! Дышите, людишки, свободно, вампиръ самодержавія — мертвъ... Все стало иначе и все дышетъ свободой!

Сухъ, холоденъ и страшно жестокъ сейчасъ Максимъ Горькій... Развѣ можно удивляться потокамъ крови, текущимъ по странѣ?

— Въ сущности кровавая русская революція была значительно менѣе кровава, чѣмъ слѣдовало ждать, говоритъ онъ раздраженно по адресу тѣхъ, кто обвиняетъ въ кровавости не революцію, не дикую стихію, а Маратовъ XX вѣка, идолопоклонниковъ силы и насилія, презирающихъ «гуманизмъ слабыхъ»...

Лишь на одну минуту вспыхнулъ Горькій гнѣвомъ -- противъ насилія. Затѣмъ погасъ, убѣдившись въ справедливости новаго порядка вещей. Этому убѣжденію содѣйствовалъ фактъ, о которомъ онъ рассказалъ въ бесѣдѣ съ коммунисткой во время своего объѣзда Россіи лѣтомъ 1928 г., — послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Сорренто:

--- Товарищъ Алексѣй Максимовичъ! Я только надняхъ узнала, что вы -- не большевикъ. Почему это?

Съ 1903 по 1917 г. я шелъ въ ногу съ большевиками. Въ Октябрѣ у меня зародились сомнѣнія... Поворотъ въ моихъ сужденіяхъ снова наступилъ, когда рабоче-крестьянская масса, какъ одинъ человекъ стала на защиту Ильича послѣ покушенія на него. Понялъ, что ошибся, пошелъ къ Ильичу и откровенно сознался въ своей ошибкѣ.

Такъ объясняетъ Горькій, почему кончились его октябрьскія сомнѣнья и онъ снова вернулся въ лоно большевизма.

Однако, писатель чувствуетъ, что этимъ объясненіемъ можетъ удовлетвориться правовѣрная коммунистка, членъ узкой котеріи, но не широкое общественное мнѣніе, — живучее, милующее и осуждающее даже въ періодъ пролетарской диктатуры... Этому не умирающему аппарату духовной оцѣнки, --- русской интеллигенціи, --- Горькій дастъ уже другое, болѣе широкое чѣмъ «защита Ильича» объясненіе въ своей нервной, злой и полной неприличныхъ ругательствъ по адресу эмиграціи статьѣ въ «Правдѣ» (№ 108, 11 мая 1928 г.).

— Я былъ увѣренъ, говорить онъ, что (въ Октябрѣ) народъ смететъ большевиковъ вмѣстѣ со всей иной социалистической интеллигенціей, а главное вмѣстѣ съ организованными рабочими. Тогда единственная сила, способная спасти страну отъ анархїи и европеизировать Россїю, погибла бы. Благодаря нечеловѣческой энергїи Владиміра Ленина и его товарищей этого не случилось. Но случилось, что почти вся «революціонная интеллигенція отказалась отъ участія въ дѣлѣ революціи и даже отъ культурной работы, еще болѣе необходимой въ дни бурь, чѣмъ въ «мирное» время, если таковое вообще существуетъ на землѣ. А поскольку эта культурная работа продолжалась, она почти всегда — я хорошо знаю это — принимала характеръ, враждебный тѣмъ людямъ, которые взяли власть».

Въ этой-же статьѣ Горькій красочно описываетъ, какъ «безумѣвшій народъ покатился сѣрой лавиной съ войны въ деревню и поднялась надъ землей его широкая, возмущенная —наконецъ! — рожа», и какъ ему, Горькому, «больно было видѣть, какъ эта рожа реализмомъ и анархизмомъ своимъ спугнула «любовь» интеллигенціи, соловья души ея. Упорхнулъ соловей въ кусты забвенія, а на мѣсто его сѣлъ черный воронъ мѣщанской мудрости».

Такъ пишетъ Горькій исторїю и такъ рисуетъ онъ трагедїю разрыва «почти всей революціонной интеллигенціи» съ Октябремъ. Но ни одинъ современникъ этихъ событїй не признаетъ соотвѣтствующимъ истинѣ подобное изложеніе фактовъ. Все отъ начала до конца — беллетристика... Однако, это — не беллетристика художника, правдивой интуиціей и вѣрнымъ глазомъ схватывающаго духъ эпохи, лики дѣйствующихъ героевъ, обстановку и ходъ событїй. Это — въ высшей степени пристрастная рѣчь адвоката, взявшагося защищать неправо дѣло... Достаточно взять хотя-бы одинъ пунктъ, — объ отказѣ интеллигенціи отъ культурной работы. Слишкомъ много объ этомъ писалось, много было жаркихъ споровъ, чтобы можно было столь односторонне освѣщать вопросъ.

Нѣтъ и не было ни времени, ни мѣста, гдѣ бы русская интеллигенція не пыталась вести такую работу. Царскія тюрьмы были превращены въ своеобразные университеты и цѣлыя бібліотеки оставались въ наслѣдство — будущимъ узникамъ... Ссылка носила слѣды присутствія людей съ духовными интересами. Въ тяжелой эмиграціи раз

ваины монастырей — превращались въ школы. Нѣтъ страны, гдѣ бы русскіе изгнанники не обогащали чужой культуры своимъ искусствомъ, своимъ научнымъ знаніемъ... Какъ-же могли они отказаться отъ работы въ своей странѣ, въ минуты ея тягчайшихъ переживаній? Значитъ, было что-то исключительное въ обстановкѣ, созданной Октябремъ, что-то такое, что дѣлало работу интеллигенціи бесплодной и отвратной. Въ самомъ дѣлѣ, что надо было сдѣлать, чтобы имѣть право на культурную работу въ обновляющейся странѣ? Горькій это знаетъ, не можетъ и не смѣетъ не знать. Всему этому онъ былъ свидѣтелемъ, и даже вынужденъ былъ защищать «передъ Ильичемъ» ученыхъ, писателей и вообще интеллигенцію «старой марки». Чтобы «служить пролетариату» нужно было подвергнуться «психологическому перерожденію» — въ духѣ марксизма (требованіе проф. Покровскаго, — руководителя совѣтской культуры); нужно было заучить прописи русифицированнаго марксизма и не позволять себѣ даже въ мысляхъ критики ихъ; нужно было отречься отъ всего своего прошлаго, признать его не бывшимъ или даже преступнымъ (безчисленныя письма въ редакцію членовъ старыхъ партій съ такого рода отреченіями); нужно было умѣть славословить новую власть, ея достиженія, «пролетарскую» диктатуру и молчать о всѣхъ ошибкахъ правящихъ; нужно было отречься отъ общенія съ «буржуазной наукой, искусствомъ, литературой и внимать лишь продуктамъ «культуры пролетарской». И, наконецъ, самое главное: нужно было — по приказу власти — «топорами обрубить живыя вѣтки разнообразно-цвѣтушаго древа жизни (земли русской...), оставляя сучковатый, изуродованный, ограбленный стволъ, — воистину безсмысленный на землѣ!»

Вотъ что нужно было для того, чтобы получить право на довѣріе, право на культурную работу, право на службу своему родному народу... «Нужно было имѣть за образецъ «для перерожденія» отвратительную фигуру Гредескула, дабы заслужить «признаніе» ползнаго работника на нивѣ пролетарскаго государства. Нужно было вообще обладать огромнымъ запасомъ старой русской «хамовитости», — этого страшнаго наслѣдія крѣпостничества, когда душою и тѣломъ владѣлъ господинъ.

И все таки. Несмотря на эти нечеловѣческія мученія, — лишь четыре мѣсяца — съ полнаго одобренія

Максима Горькаго -- пробовала интеллигенція этотъ методъ борьбы съ совѣтской азіатчиной, съ овладѣніемъ «волей массъ» штыкомъ и пулей. А затѣмъ — спова стала служить народу какъ и раньше. Были, конечно, люди, не желавшіе прикасаться къ совѣтской «проказѣ», были люди, до глубины души возмущенные подчиненіемъ всероссійскихъ талантовъ, Южина-Сумбатова или Федотовой, неизвѣстной г-жѣ Малиновской... Были люди, возмущенные командой студентовъ III курса надъ коллегіей профессоровъ или «техническаго персонала» больницъ — надъ врачами, школь — надъ учителями... Все это было и все это сбило не мало людей въ лагерь рѣшительныхъ противниковъ демагогической власти. Но въ массѣ своей интеллигенція быстро усвоила истину: Россія развалится окончательно безъ ея труда. Все это надо претерпѣть, превозмочь; время — исключительное. Надо служить Россіи; надо «налаживать» разрушенные аппараты жизни; надо пытаться провести начала «европеизаціи» въ укладъ темнаго рабоче-крестьянскаго царства. За эту службу она нерѣдко получала награду, въ видѣ Шахтинскихъ и иныхъ процессовъ. Сюжетъ, — достойный талантливаго пера стараго сокола, былого протестанта противъ русской азіатчины...

Х.

Сдѣлаемъ всѣ возможныя допущенія, — ихъ дѣлають многіе изслѣдователи фактовъ и психологіи русской революціи.

Допустимъ, что пропасть между народомъ и интеллигенціей была бездонно-глубока. Допустимъ, что слабая, пачиненная книжными отвлеченностями, интеллигенція не смогла овладѣть въ февралѣ душой и волей мятущагося народа. Допустимъ, что дикому народу, съ анархическими навыками, съ отрицаніемъ и непониманіемъ цѣнности государства, нужна была сильная, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся власть, — власть настоящихъ революціонеровъ, — чтобы сковать его волю, отбить натискъ старой контръ-революціи, предохранить страну отъ распада и расхищенія международными хищниками. Допустимъ также, что задача эта удалась, что народъ почувствовалъ эту заслугу власти и — «какъ одинъ человекъ» поддерживалъ Ильича». Что-же дальше? Дальше? Дальше, гово-

рить Горькій, вторая, не менѣе огромная задача — европеизация азіатской страны...

Въ этой постановкѣ не надо даже дѣлать спорныхъ допущеній: задача безспорна. Давно пора соединить Россію съ культурнымъ міромъ, содѣйствовать «братанію» народовъ на аренѣ мира и культуры. Получившей крещеніе въ революціи странѣ такъ почетно взять на себя эту миссію. Да и самая задача давно поставлена историческимъ ходомъ вещей: со времени Петра. Итакъ, европеизация...

Но что намъ, русскимъ, особо дорого въ европейскомъ укладѣ жизни? Вѣдь не прекрасныя-же декоративныя растенія, въ которыхъ утопаетъ Сорренто? Дорого намъ дисциплинированное общество, общество съ развитымъ правовымъ сознаниемъ и правовымъ порядкомъ жизни; дороги методы, которыми владѣютъ европейцы для достиженія своихъ цѣлей, — весь этотъ духъ преданности идеѣ «общественнаго договора», уваженія къ свободѣ челоувѣческой личности, къ свободѣ ея духовнаго развитія. Не всѣ европейцы въ равной мѣрѣ этого достигли; и тамъ встрѣчаются провалы и уклоны въ самовластіе. Но основной колоритъ всей культуры, — цѣнность права, цѣнность какъ о п л е н н о й культуры, связанность вчерашняго дня съ днемъ сегодняшнимъ. Вотъ къ чему съ давнихъ поръ тянулись русскіе идеалисты, чему завидовали, за что боролись. Объ этомъ мечтали... А въ жизни при всякой перемѣнѣ снова и снова видѣли передъ собой Ташкентцевъ и свой древній Ташкентъ... «Эта преемственность Ташкентовъ поистинѣ пугаетъ меня», писалъ Салтыковъ-Щедринъ. Я вижу людей, работающихъ въ пользу идей несомнѣнно скверныхъ и пошлыхъ и сопровождающихъ свою работу возгласомъ: «поди! Задавлю!» и вижу людей, работающихъ въ пользу идей справедливыхъ и полезныхъ, но тоже сопровождающихъ свою работу возгласомъ: «поди! Задавлю!» Я не вижу рамокъ, тѣхъ драгоценныхъ рамокъ, въ которыхъ хорошее могло-бы упразднить дурное безъ возгласовъ, обѣщающихъ задавить».

Вотъ за эти «драгоценныя рамки» много европейскихъ поколѣній вело отчаянную и упорную борьбу. И выстрадало ихъ. Но презрительно смотритъ на нихъ «высшая форма демократіи», — совѣтское царство, — и оглашаетъ міръ дикими возгласами: «поди! Задавлю!»...

Европа, обладающая этими рамками и для борьбы, и

для самозащиты, — не боится криковъ русскаго скива: за-
давлю! Съ спокойной увѣренностью въ своихъ силахъ ве-
детъ она охрану европейской цивилизаціи отъ моли, раз-
ѣдающей потертую шкуру русскихъ тигровъ изъ мѣхово-
го магазина... Но для русскаго народа, все еще дѣйствую-
щаго древними орудіями татарщины, эти методы «поди!
задавлю!» опасны и губительны: они продолжаютъ воспи-
тывать въ немъ звѣря, — они сплачиваютъ вокругъ но-
вой «народной» власти старыхъ ташкентцевъ изъ жан-
дармскихъ и охранныхъ отдѣленій стараго самодержавія.
Имъ, охранникамъ, не вновь кричать: поди! Задавлю... Ме-
тоды эти тѣмъ болѣе отвратны, что народъ русскій, не-
сомнѣнно, возбуженъ грандіозными событіями войны и
революціи. Проснувшійся разумъ его проситъ нищи и от-
крыть для воспріятія новыхъ идей, новыхъ принциповъ
быта и жизни. Но тускло смотрятъ звѣзды сквозь рѣшет-
ки совѣтскихъ тюремъ, на стѣнахъ которыхъ красуется
надпись: «Входъ буржуазной европейской
цивилизациі въ пролетарскую страну —
в о с п р е щ е н ъ». Все замазано, ваперто, вездѣ воздвиг-
нуты крѣпкія стѣны, отдѣляющія Россію отъ вишняго мі-
ра. Снята давно блокада, но самоблокада замуравила стра-
ну въ страшный склепъ полного одиночества. Петровы
«окна въ Европу» разрушены, связи порваны, традиции
историческаго развитія страны — прерваны. И самос-
страшное: запуганъ человѣкъ, запуганъ до потери созна-
нія, до потери своего лица... Люди въ маскахъ движутся по
странѣ, механически повинуюсь приказу жрецовъ изъ сек-
ты непогрѣшимыхъ... Это-ли «европеизація»?

XI.

Такъ кончился великій русскій бунтъ, предсказанный
Максимомъ Горькимъ. Бунтъ этотъ не зажегъ міра и не
создалъ пока условій для европеизаціи страны. До сихъ-
поръ еще онъ вращается въ орбитѣ убогой содержаніемъ
идеи «богатства однихъ и бѣдности другихъ». Эта идея
поддерживаетъ убійственную гражданскую войну внутри
страны и губитъ всѣ возможности возстановленія и возро-
жденія новой жизни.

Искры этого бунта, осыпавшія въ недавнемъ прошломъ
всю страну, зажгли и славу писателя, — сокола, высоко-
карящаго въ небесахъ свободы. Теперь эти искры потух-

ли. Потухъ и писатель... Крылья сокола опущены, глаза не видятъ людской неправды и уста не произносятъ жгучихъ словъ въ защиту праведной, яркой, свободной жизни... Тусклы и сѣры его новыя писанія о жизни Самгина въ средѣ интеллигентовъ, душу которыхъ онъ никогда не могъ понять и художественно изобразить. Оффиціальныи регистраторъ «блестящихъ» достижений власти, онъ уже не въ силахъ уловить ни тяжкихъ стоновъ голодной по цивилизации земли русской, ни вельнйи новой жизни, ни страданій связанной интеллигенціи, — этой паріи совѣтскаго строя, — ни пьянаго разгула ташкентщины, съ ея дикими криками «задавлю!» Не слышатъ уши, не видятъ очи...

Поистинѣ — соколъ обезкрыленный...

Съ горестнымъ недоумѣніемъ слѣдятъ за писателемъ его старые почитатели: куда и зачѣмъ уходить?

Но красные совѣтскіе мѣщане уже спѣшатъ привѣтствовать стараго бунтаря:

— Ошибся, Максимушка, въ Октябрѣ-то? Ничего! Мы то-же ошиблись: думали — соколъ, а ты — канарейка... Птица пріятная...